

ВЫПИСКИ ИЗЪ ТЕТРАДЕЙ ИНЖЕНЕРА НОРДШТЕЙНА.

„Всякая всячина“.

Игра словъ Великаго Князя Михаила Павловича.

1.

Въ 1842 году мѣсто покойнаго графа Толя занялъ графъ Клейн-михель, и въ томъ же году генераль-губернаторъ Петербургскій графъ Эссенъ былъ смѣненъ. По этому случаю Михаилъ Павловичъ сказалъ: «Kleinmichel ist thol und die Stadt ist ohne Essen».

2.

На счетъ служебнаго возвышенія графа Киселева Великій Князь по какому-то случаю сказалъ: «Voilà le comte qui s'élève!»

3.

Немогши разобрать какой-то надписи на камнѣ, онъ сказалъ: «Je ne suis pas homme de lettres».

4.

Ему очень хотѣлось имѣть сына, а между тѣмъ рождался дочерп. На другой день послѣ такихъ родинъ придворные его поздравляли съ рожденіемъ княжны; онъ отвѣчалъ: «Du moins on ne dira pas que je fais de mal» (mal).

5.

Генераль Дѣстремъ подавалъ проектъ, чтобы замѣнить воду паровой машины въ Сестрорѣцкомъ заводѣ. Бывъ у Великаго Князя и объясняя ему свои мысли, онъ часто употреблялъ слово *топить*, доказывая, что лѣсу довольно, и будетъ чѣмъ топить. Посреди самыхъ жаркихъ объясненій со стороны Дѣстрема Михаилъ Павловичъ сказалъ: «А! такъ вы хотите потопить нашъ заводъ». Это совершенно сбилось съ толку Дестрема.

6.

Французская актриса Olivier, любимца посланника Французскаго, кажется, маршала Мезона, перешла отъ него къ секретарю посольства Lague. Великій Князь сказалъ: «Le maréchal de France a laissé tomber son olivier dans la rue».

7.

Покойнаго дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, главноуправлявшаго Путями Сообщенія, онъ называлъ: «Mon oncle le Pontife» (отъ слова Pont мостъ), а такъ какъ у него была шишка на лбу, то и «дядюшка Лупандипъ» (loupe).

8.

Французскій посланникъ Мезонъ запнулся или упалъ во дворцѣ. На это Великій Князь сказалъ: «La maison de France s'écroule devant le Tzar de Russie».

9.

Гдѣ-то на балѣ Мухомъ Павловичъ вальсировалъ съ дочерью Карамзина Софьей Николаевной (которая была тучна). Кончивъ и отошедъ въ сторону, онъ дѣлаетъ видъ, будто ему оттянуло руку и потомъ говоритъ, что онъ таскалъ «Ядро Россійской Исторіи».

10.

Будучи въ саняхъ по улицѣ, онъ увидѣлъ офицера не въ формѣ, подозвалъ его къ себѣ и такъ какъ тотъ на всѣ выговоры только сказалъ виновать, то онъ возразилъ, что свезетъ его самъ на гауптвахту, и велѣлъ сѣсть въ сани. Офицеръ сядя задѣлъ князя шпагой. Князь разсердился и сказалъ: «дуракъ, и садиться-то еще не умѣетъ». Это отъ того, Ваше Высочество, что не въ свои сани не надобно садиться. Князь разсмѣялся и отпустилъ его.

11.

Какой-то генералъ, кажется, саперный, имѣлъ дурную привычку мѣшать въ свои слова и кстатѣ и не кстатѣ слово—выходить. Разъ во время ученья онъ что-то замѣшкался и не командуетъ. Великій Князь закричалъ: «ну чтожъ вы не командуете?» Генералъ оторопѣлъ, хотѣлъ сказать какое-то пзвпненіе и началъ: «выходить»... Князь его перебилъ: «у васъ вѣчно выходить, выходить и ничего не выходить».

12.

Михаилъ Павловичъ удивительный человѣкъ. Характера онъ очень добраго и весьма часто помогаетъ офицерамъ деньгами. Между тѣмъ на ученьяхъ, смотрахъ и проч. очень сердитъ и распекаетъ сильно, такъ что съ одной стороны оскорбляетъ офицеровъ, съ другой благодѣтельствуешь. Разъ, видя на ученѣ офицеровъ Семеновскаго, кажется, полка не совсѣмъ хорошо одѣтыми, онъ поставилъ ихъ въ шеренгу передъ фронтомъ, прошелъ передъ ними, осмотрѣлъ одежду, скомандовалъ налѣво кругомъ и опять осмотрѣлъ (какъ солдатъ или кадетъ). По этому всѣ фронтовые его бранятъ, а нефронтовые хвалятъ. Въ немъ ни гордости, ни педантства: всегда веселъ, остеръ и уменъ. Въ кабинетѣ его въ Каменноостровскомъ дворцѣ ни одной книги, кромѣ Рекрутской школы, Батальоннаго ученія и проч., газеты «Инваляды» того числа и изображенія Наполеона во всѣхъ возможныхъ видахъ. Жену онъ не очень жалуетъ, потому что она ученая и даже немного педантка и притомъ характера гордаго, серьезнаго, а это не по немъ. При самой женитьбѣ его уже были какія-то размолвки. Разъ онъ отъ души восхищенъ былъ, когда жена его, желая угостить прѣѣхавшаго Великаго Князя покойнаго Константина Павловича, сама заботилась, разливала чай и угощала. Онъ имѣетъ сходство въ характерѣ съ Константиномъ Павловичемъ, только послѣдній въ молодости былъ неистовъ и всегда слишкомъ нетерпѣливъ и своеобразенъ. Первое дѣло поутру Михаила Павловича прочитатъ «Инваляды», и часто онъ восклицаетъ: «Ахъ! негодный этотъ Воейковъ (бывшій издатель «Инвалида»): поручикъ Ивановъ ужъ четыре дня какъ прѣѣхалъ, а онъ сегодня только напечаталъ объ этомъ» *).

*) Вспоминается намъ одно утро у А. С. Хомякова. Къ нему прѣѣхалъ старый товарищъ по военной службѣ, уже генералъ. Хомяковъ очень ему обрадовался, и они дружески бесѣдовали. „А у васъ въ Петербургѣ все взяточники: даже Великій Князь Михаилъ Павловичъ заразился этимъ. — Это что за вздоръ? — Совсе не вздоръ. Онъ тоже беретъ взятки. — Помилуй, Хомяковъ, можно ли говорить небылицу про такого честнѣйшаго въ мірѣ человѣка? — А я все-таки говорю, что и онъ взяточникъ. — Вотъ у васъ все такъ въ Москвѣ: даже и такіе умные люди говорятъ глупости; слышать я этого не могу, говорить сановитый гость и беретъ шапку, чтобы уходить. — Да постой, постой! Какъ же не взятки? По утрамъ, послѣ докладовъ, ему передаютъ острые слова, ходящія по городу и ему приписанныя. Если острота хороша, Великій Князь промолчитъ и улыбнется; если же пошлая, то онъ скажетъ: Вздоръ, я этого не говорилъ. Такимъ образомъ все остроуміе гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ присвоится ему. Ну какъ же не взятка? П. Б.

Князь А. С. Меншиковъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, морской министр или начальникъ главнаго морскаго штаба Е. И. В.—большой любитель состричь на чей нибудь счетъ. Онъ человѣкъ честный, благородный, умный, очень начитанный и негордый, но болѣе дипломатъ; никогда не откажется сдѣлать добро, если только это ничему не мѣшаетъ, а самъ на добро, какъ и ни на что, не навязывается; зная цѣну истиннымъ достоинствамъ и уважая ихъ вполне, онъ не пропуститъ случая поострить своимъ языкомъ насчетъ мелочнаго честолюбія и проч. Вотъ нѣкоторыя пѣзъ его остроты.

Когда Бенкендорфа, шефа корпуса жандармовъ и слѣдственно носившаго голубой мундиръ, сдѣлали графомъ, Меншиковъ сказалъ: «voilà un comte bleu». (Contes bleus по-французски означаетъ сказки, небылицы).

Въ 1842-мъ году министръ военный графъ Чернышевъ ѣздилъ на Кавказъ. Тамъ были дѣла очень дурны, а какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ былъ принятъ планъ Чернышева, то Государь и послалъ его же поправлять. Съ нимъ поѣхалъ и Позень, правитель дѣлъ. Меншиковъ сказалъ, что новый Язонъ отправился въ Колхиду за золотымъ руномъ, но что онъ не привезетъ его: оно достанется Позену *).

Во время экспедиціи въ Хиву какая-то дама за обѣдомъ, на которомъ былъ и Меншиковъ, спросила: «гдѣ это Индія?» Онъ отвѣчалъ, что онъ только знаетъ, что это та самая страна, гдѣ дерутся Индійскіе пѣтухи.

Графъ Клейнмихель, человѣкъ счень неглупый, удивительный исполнитель: другого исполнителя приказаній царскихъ теперь нѣтъ, да и въ прошедшемъ не сыщешь. Весьма часто ему поручали самые разнородные предметы для приведенія въ порядокъ. Такъ, ему поручалась Медицинская Академія; его сдѣлали главноуправляющимъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Когда умеръ митрополитъ, въ началѣ 1843 года, то Государь сказалъ какъ-то Меншикову, что его заботитъ, кого назначить вмѣсто покойника. «Да развѣ, ваше величество, графъ Клейнмихель отказывается?» спросилъ Меншиковъ.

Еще сонъ Меншикова. Графъ Клейнмихель варитъ въ огромномъ котлѣ кашу изъ всего корпуса путей сообщенія; но, мѣшая въ котлѣ весломъ, онъ и самъ нечаянно упалъ туда же и кричить: «Рокасовскій.

*) Соболевскій переложилъ эту остроту въ трехстишіе: „Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ; Руно же привезетъ не онъ, А Позень“. Соболевскій и кн. Меншиковъ были пріятелями. Ихъ сближало не только остроловіе, но и одинаковость происхожденія. П. Б.

Рокасовскій, помощи! (Рокасовскій, генералъ-лейтенантъ, сдѣланъ Клейн-михелемъ товарищемъ, прекрасный человѣкъ по уму и по душѣ, но робкій и безхарактерный). Рокасовскій прибѣжалъ и, видя графа въ котлѣ, сказалъ: «сейчасъ, ваше сіятельство, я соберу совѣтъ, и мы разсудимъ, какъ васъ вытащить». Графъ тогда закричалъ: „Дѣстремъ, Дѣстремъ, помощи!“ (Дѣстремъ, генералъ-лейтенантъ, человѣкъ чуть не геніальный по познаніямъ, но вѣчно дѣлающій невпопадъ и по неимѣнію такта въ дѣлахъ вѣчно самъ проигрывающій). Дѣстремъ прибѣжалъ и говоритъ: «вытащить васъ очень легко; это вамъ кажется трудно, потому что вы, ваше сіятельство, совершенный невѣжда и ничего не знаете, а это основывается на первыхъ началахъ механики; вотъ я сейчасъ сдѣлаю кое-какія вычисленія.» И онъ сѣлъ вычислять. Тогда графъ опять принужденъ былъ закричать: „Девятининъ, Девятининъ, помощи!“ Девятининъ пришелъ, подалъ руку и вытащилъ графа. Девятининъ генер.-лейтенантъ бывшій товарищъ главноуправляющаго.

Въ которомъ-то изъ 30-ыхъ годовъ князь Меншиковъ былъ для пользованія водами въ Старой Русѣ. Въ то же время лѣчился тамъ Андрей Ивановичъ Бѣлянинъ, капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа, и онъ мнѣ рассказывалъ слѣдующее. Князь въ Старой Русѣ былъ настоящимъ вельможей, давалъ даже балъ, былъ такъ милъ, любезенъ, что всѣ были отъ него въ восторгѣ. Поселенные генералы и другіе армейскіе къ нему являлись и бывали съ визитами; между прочимъ былъ какой-то генералъ армейскій, очень недовѣй, церемонившійся на каждомъ шагу, несмотря на просьбы князя снять шпагу, и проч. Онъ обѣдалъ у князя. Этотъ генералъ очень некстати заговорилъ о супружеской жизни и осуждалъ тѣхъ, кто не живетъ съ женами. На это князь сказалъ: «не знаю; я ужъ давно не живу съ своей женой, а ничего дурного еще не видѣлъ отъ этого».

Тамъ же былъ тогда полковникъ инженеровъ военныхъ поселеній Кашперовъ, страшный говорунъ, и никогда не пропускалъ случая атаковать князя своими рассказами. За то князь часто дѣлалъ съ нимъ смѣшныя штуки. Напримѣръ: князь ѣдетъ или верхомъ или на дрожкахъ; встрѣчается Кашперовъ, раскланывается, пристаётъ къ князю и пускается въ рассказы; князь пускается шагомъ, потомъ скорѣе и скорѣе, такъ что заставляеть Кашперова подъ конецъ бѣжать подлѣ и продолжать рассказы.

Забавно, что Меншиковъ, такой сильный человѣкъ и такъ крѣпко и прочно стоящій на высокой ступени, боится, или по крайней мѣрѣ было время, что боялся, нѣкоей Варвары Семеновны. Эта вдова какого-то чиновника 4-го или 5-го класса, кажется, комписіонера. У нея въ домѣ воспитывался или какъ-то былъ принятъ Жандръ (теперь, кажется, 3-го

класса, правитель дѣлъ Совѣта Морского Министерства); теперь не онъ у нея, а она у него живетъ съ какой-то воспитанницей. Говорятъ, будто Жандръ всегда былъ и теперь съ ней въ связи; но кажется, это вздоръ; скорѣе, онъ изъ благодарности теперь ее держитъ. Она сочинила какой-то романъ, но не печатала его, а будучи влюблена въ умъ Меншикова, добивалась только, чтобы Меншиковъ съ нею познакомился, заговорилъ, прочиталъ ея сочиненіе, и только: все ея самолюбіе ограничивалось тѣмъ, чтобы князь призналъ въ ней необыкновенную женщину и также умную. Для этого она изыскивала всѣ средства встрѣтиться съ нимъ. Докторъ совѣтовалъ Меншикову гулять поутру. Онъ началъ по утрамъ ходить по Англійской набережной, и Варв. Сем. всегда тутъ какъ тутъ навстрѣчу, съ явнымъ желаніемъ вступить въ разговоръ. Онъ рѣшился гулять даже часовъ въ 5 утра, но и тутъ Варв. Сем. навстрѣчу; завидѣвъ ее издали, князь спустился съ набережной, по Невѣ, на Васильевскій островъ, и гулялъ тамъ (Это было весной, еще ледъ стоялъ. Въ это-то время онъ сказалъ: «право, славно жить на острову, тамъ не церемонятся, всѣ флотскіе офицеры ходятъ въ фуражкахъ»). Во время упомянутого выше пребыванія его въ Старой Русѣ, Варв. Сем. тоже была тамъ. И Бѣлянинъ говорилъ, что она нарочно поѣхала и туда, чтобы сойтись тамъ съ княземъ. Разъ Бѣлянина обогнали дрожки съ двумя дамами, онъ не успѣлъ увидѣть ихъ въ лицо; онъ проѣхали прямо на дворъ того дворца, гдѣ жилъ Меншикомъ, въ садъ, принадлежащій ко дворцу и служашій вмѣсто общественнаго. Когда Бѣлянинъ вошелъ тоже на дворъ, то увидѣлъ князя, высовывающаго голову изъ окна и дѣлающаго ему разные знаки. Онъ не понялъ знаковъ и пошелъ къ нему. Князь сказалъ: «Развѣ ты не знаешь, кто это?»—Нѣтъ-съ.—«Это Варвара Семеновна съ воспитанницей», и рассказалъ, какъ она его преслѣдуетъ, и какъ онъ, боясь ея, избѣгаетъ встрѣчи. Въ другой разъ князь ѣздилъ для прогулки верхомъ; но вдругъ поворотилъ и поскакалъ въ другую сторону. На вопросъ Бѣлянина объ этомъ, онъ сказалъ: «Развѣ ты не видѣлъ, что Варв. Сем. ѣхала навстрѣчу на дрожкахъ? О, я ее узнаю издалика по вуалю». Такимъ образомъ всѣ старанія Варв. Сем. оставались тщетными. Но она надѣялась ѣхать обратно вмѣстѣ съ княземъ на пароходъ. Князь, предвидя это, велѣлъ Бѣлянину распустилъ слухъ, что онъ именно на пароходъ поѣдетъ, назначилъ день и часъ и весь свой багажъ отправилъ туда же, такъ что и командиръ парохода думалъ, что князь поѣдетъ. Варв. Сем. съ воспитанницей была уже на пароходѣ и, пословамъ командира, ждала князя. Бѣлянинъ пріѣхалъ частію съ вещами князя, погрузилъ ихъ на пароходъ, и когда все уже было готово, и только одного князя лично не было, Бѣлянинъ передалъ приказаніе князя поднять якорь и отваливать, не говоря никому ни слова и не

спуская никого съ парохода. Варвара Семеновна была въ отчаяніи, но было уже поздно. А князь поѣхалъ берегомъ обратно въ Петербургъ.

Князь Меншиковъ, товарищъ, говорятъ, Орлова, Левашева и Киселева, но отсталъ отъ нихъ первоначальной службою. Онъ былъ камеръ-юнкеромъ и слѣдовательно (въ то время, а не нынѣ) былъ 5-го класса и служилъ въ Иностранной Коллегіи; потомъ перешелъ въ артиллерию, кажется, поручикомъ; наконецъ въ свиту илп, по нынѣшнему, по квартирмейстерской части и былъ полковникомъ и въ родѣ секретари или правителя дѣлъ при кн. Волконскомъ, когда тотъ былъ начальникомъ штаба при Государѣ Александрѣ. Въ этомъ званіи онъ, кажется, дѣлалъ весь Французскій походъ. Такимъ образомъ разными перемѣнами службы онъ отсталъ отъ товарищей, и чтобы догнать, а можетъ и опередить, онъ, не видя по Военному Минпстерству удобства (ибо тамъ много генераловъ было молодыхъ и потому могущихъ съ нимъ соперничать) избралъ мѣсто начальника морского штаба при мпнистрѣ Моллерѣ. Тутъ всѣ генералы были старики, и никто съ нимъ не въ состояніи былъ тягаться; онъ пошелъ впередъ, но впрочемъ непмѣніе Андреевской звѣзды долго его мучило и почти каждый Николинъ день, каждый Новый Годъ и Пасху онъ страдалъ сильнѣйшимъ желаніемъ Андреевской звѣзды. Бывъ у Волконскаго, онъ первый или главный былъ вводителъ званія начальниковъ штабовъ и распространилъ эту идею такъ, что теперь всякій генералъ, занимающій кабую ипбудъ инстанцію, имѣетъ свой штабъ и начальника штаба. Эти мѣста начальниковъ штабовъ очень выгодны и удобны для выскочекъ: они не имѣли отвѣтственности за хозяйственную и тому подобныя части, занимались только одной инспекторской и наружной, а между тѣмъ были единственными докладчиками при начальникѣ, и потому въ своихъ рукахъ имѣли всевозможное вліяніе на лица, и на нихъ отражались иплости при удовольствіи начальства, тогда какъ отвѣтственность за неудовольствія падала на начальниковъ хозяйственной и проч. частей. Эти начальники штабовъ остались и нынче у инстанцій, подиѣдомственныхъ мпнистерству, въ видѣ секретарей у генераловъ; мѣста ихъ зашимаютъ лица, бывшія прежде адъютантами. Но начальники штабовъ были при Государѣ и отъ мпнистерствъ; теперь есть при Государѣ вмѣсто того начальники военно-походныхъ канцелярій, не имѣющіе силы и значенія прежнихъ начальниковъ штабовъ; въ мпнистерствѣ же нѣтъ нач. штабовъ. Въ Военномъ Мпнистерствѣ въ 30-хъ годахъ вовсе уничтожено это званіе: тамъ, по прежнему положенію о мпнистерствахъ, мпнистръ есть и докладчикъ. Въ Морскомъ Мпнистерствѣ тоже званіе нач. главн. штаба уничтожено, и обязанности его соединены съ званіемъ мпнистра; кн. Меншпковъ, желая оставить при себѣ свое, хотя въ сущности есть

министръ, но лично только называется не министромъ, а нач. главн. морск. штаба. Впрочемъ, кажется, онъ и тутъ умѣлъ ловко устроиться: отчеты генералъ-интенданта онъ не контролируетъ, а препровождаетъ только въ государственный контроль. Меншиковъ въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть государственнымъ человѣкомъ, могъ бы много сдѣлать, но не дѣлаетъ; вѣрно потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой политикъ и дипломатъ, и эти качества ему мѣшаютъ дѣйствовать прямо на пользу; онъ и лавируетъ, и отдѣлывается, и угождаетъ... Онъ могъ бы занять любое министерство и вездѣ былъ бы пригоденъ, но выбралъ самое одностороннее, гдѣ онъ никому не мѣшаетъ, гдѣ можетъ по возможности жить со всѣми, хотя наружно, въ мирѣ. И конечно, никто лучше его не понимаетъ, что надобно сдѣлать, чтобы привести флотъ въ хорошее состояніе. Между тѣмъ онъ только заботится о наружности флота да объ угожденіи прихотямъ Царя. Вѣрно князь лучше всякаго обдумалъ вопросы, нуженъ ли флотъ для Россіи, въ какомъ составѣ и на какой ногѣ, какъ великъ долженъ быть постоянный флотъ и какъ великъ запасный, на случай большей потребности въ военное время; какія удобства нужны для того и для другого, и проч. Можетъ быть, князь видитъ, что по направленію умовъ и политики въ Европѣ во флотъ особенной важности нѣтъ, и потому нѣтъ надобности и въ постоянной ежегодной большой смѣтѣ на министерство, а на случайныя потребности всегда легко получить высочайшее повелѣніе. Словомъ сказать, можетъ быть, князь находитъ достаточнымъ поочистить флотъ, пообразовать его немножко, да исполнять прихоти царя, не болѣе... И это можетъ имѣть свою правду. Теперь флотъ сталъ почище гораздо, пообразованнѣе, помолодцоватѣе, пощеголеватѣе, и иногда, смотря по командиру корабля, и очень хорошимъ; но вообще поживе, позеленѣе, и впередъ ушелъ немного. Впрочемъ, для флота недостаетъ только одного: дальнихъ походовъ по Европейскимъ морямъ; при этомъ онъ былъ бы прекрасенъ; но очень вѣроятно, что тутъ князь не можетъ совсѣмъ свободно дѣйствовать. Дурныя двѣ стороны въ князѣ насчетъ флота. Впервыхъ, онъ вытаскиваетъ много молодыхъ людей, весьма часто не имѣющихъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, и слишкомъ награждаетъ ихъ, въ обиду и ущербъ линейнымъ офицерамъ; этимъ онъ поселилъ соперничество, раздоръ, интриги и проч., вмѣсто прежняго дружества, всеобщаго во флотѣ. Во-вторыхъ, злой, насмѣшливый языкъ князя дѣлаетъ много ему враговъ и особенно вооружаетъ противъ него заслуженныхъ стариковъ. Впрочемъ, князь не гонитъ никого и никого не пустилъ по міру, какъ К., онъ только удаляетъ стариковъ отъ линіи, гдѣ разумѣется чаще встрѣчаются почести и награды. Князь почти домашній человѣкъ у Царя и Царицы, и было время, когда то Царь, то

Царица присылали за княземъ; если ктонибудь изъ нихъ другой былъ скучевъ, огорченъ и проч., князь развеселялъ. Ни одно государственное дѣло не дѣлалось безъ совѣта князя, и особенно не писалась ни одна нота по Мин. Иностр. Дѣлъ. Въ Государств. Совѣтѣ и Комит. Министровъ князь никогда ни съ кѣмъ не спорить и не толкуетъ. Онъ не любитъ Нѣмецкой партіи, къ которой принадлежитъ Чернышевъ. Повторяю, онъ честенъ, благороденъ, добръ сердцемъ, начитанъ (онъ гомеопатъ большой), уменъ, государственный человѣкъ, но тонкій политикъ, хитеръ, дипломатъ, уклончивъ и часто прячется за своей манерой шуточной, съ гримасами, и проч.

Скобелевъ (комендантъ Петербургской крѣпости), кажется, еще прежде комендантства попалъ въ немилость у Царя, потому что какъ-то сказалъ Царю черезчуръ правую правду съ прибауткой: «хлѣбъ-солѣнъ, а правду рѣжь». Но Государь, не смотря на это, сказалъ ему: «хлѣбъ пирога съ грибами, да держи языкъ за зубами», и былъ сердитъ нѣсколько времени на него. Кажется, это было, когда Скобелевъ просилъ извиненія, и Государю хотя не очень понравилось объясненіе пословницей, но онъ скоро забылъ свое сердце.

Князь Меншиковъ былъ въ большой дружбѣ или пріязни съ графомъ Толемъ еще во Французскій походъ; но во Франціи была сдѣлана какая-то ошибка въ дѣйствіяхъ по винѣ Толя, и князь Меншиковъ не упустилъ случая состричь надъ своимъ пріятелемъ. Государь Александръ, увидѣвъ Толя наединѣ, сказалъ ему, чтобъ онъ не беспокоился, что онъ, Государь, знаетъ его хорошо и никогда не будетъ сомнѣваться въ его преданности и усердіи, а ошибку не ставить въ счетъ; но прибавилъ совѣтъ, чтобы онъ, Толь, не слишкомъ водился съ Меншиковымъ, потому что этотъ очень хитеръ, семь разъ продастъ Толя, и семь разъ выкупить, а Толь и не догадается. Гордый, прямой, горячій Толь съ тѣхъ поръ питалъ непримиримую вражду въ Меншикову.

Въ той же кампаніи во Франціи Толь, видя безпрестанно приказанія одно другому противорѣчащія (что происходило отъ вѣдательства Нѣмецкихъ и Англійскихъ дипломатовъ) сказалъ: «ordre, contre ordre et toujours désordre».

Аракчеевъ, когда сердился на Клейнмихеля, часто говорилъ, что сдѣлаетъ изъ него Гроссмихеля.

Генералъ-маіоръ Кишкинъ (Михаилъ, Михайловичъ), служившій тогда капитаномъ 1-го ранга во флотѣ, смотрѣлъ картину «Послѣдній день Помпеи», и на вопросъ знакомаго: «каково?» сказалъ: «всѣ тамъ

будемъ», и махнулъ рукой. Онъ вообще славился недостаткомъ ума, и это добродушно-философическое изреченіе ходило въ публикѣ, какъ примѣръ, что не во всякомъ человѣкѣ красоты этой картинны возбуждали къ высокимъ мыслямъ, а иногда въ пныхъ и просто къ житейской философіи.

Меншиковъ женатъ (былъ, потому что не живетъ съ женой). Не знаю, давно ли и какъ они разошлись, но вѣроятно отъ разности характеровъ, потому что она ханжа, а князь хоть некривой человѣкъ, а только увертливый, уклончивый, но идетъ прямой дорогой и терпѣть не можетъ неблагородныхъ пли, лучше, мелкихъ слабостей, ибо они часто служатъ только извиненіемъ и прикрытіемъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ, она въ Москвѣ; у него сынъ, у нея дочь. Впрочемъ, онъ, бывая въ Москвѣ, всегда бываетъ у жены съ визитомъ или почтеніемъ.

Князь Меншиковъ сказалъ насчетъ построекъ, что окончанія Исаакиевскаго собора ни мы не увидимъ, ни потомки наши не увидятъ; что Московской желѣзной дороги мы не увидимъ, за то потомки увидятъ; что мостъ черезъ Неву мы увидимъ, за то потомки не увидятъ (т. е. его снесетъ).

Когда былъ разговоръ, что надо кого-нибудь послать на Кавказъ, чтобы разорить нѣсколько десятковъ ауловъ въ неприступныхъ мѣстахъ, то кн. Меншиковъ сказалъ: «чтожъ, стоитъ только послать Киселева; онъ разорилъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ Россіи, то ему нипочемъ будетъ разорить нѣсколько ауловъ». Общее мнѣніе, что управленіе государственныхъ имуществъ разорило крестьянъ, одностороннее: прежде государственные крестьяне владѣли всѣми государственными имуществами безданно-безпошлинно, т. е. лѣсами, угодьями и проч.; а теперь казна отобрала все это себѣ, крестьянамъ намеживаются земли сколько нужно, и только; съ другой стороны, управленіе собственно крестьянами теперь сложилъ, и потому у нихъ болѣе начальниковъ, и имъ тяжелѣе.

ПОДАРОБЪ НАПОЛЕОНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Потье, Фабръ, Базень и Дёстремъ. Основаніе Корпуса Путей Сообщенія.

Въ 1810-мъ году учреждено наше главное управленіе водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Послѣ словъ водяныхъ и сухопутныхъ отбросили, потому что воздушныхъ еще нѣтъ. Тогда же и учрежденъ институтъ для образованія пиженеровъ. До того времени существовалъ

департаментъ водяныхъ коммуникацій, который и уничтоженъ; при этомъ департаментъ были инженеры изъ полевыхъ инженеровъ, кажется, которые были на Маріинскомъ, Тихвинскомъ и Вышневолоцкомъ каналахъ и на Сѣверо-Екатерининскомъ (только и было каналовъ, потому что Березинскій, Огинскій и Королевскій были въ запусценіи, какъ и теперь первый изъ нихъ и также второй). Эти инженеры носили только мундиръ полевыхъ инженеровъ, но были изъ разнаго сброда, большею частью иностранцы; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ были хорошіе инженеры. При образованіи нашего корпуса ихъ перевели въ нашъ корпусъ и принимали еще много всякихъ, кто чуть-чуть зналъ или механику, или архитектуру, или даже былъ чертежникомъ. Наполеонъ подарилъ Александру четырехъ Французскихъ инженеровъ, которыхъ фамиліи въ заглавіи. Это были изъ лучшихъ воспитанниковъ Политехнической Парижской Школы. Они были сначала профессорами у насъ. Потомъ еще былъ геніальный человѣкъ въ механикѣ Бетанкуръ (женатый, какъ говорятъ, на Сотанвиль—*bête en cour* и *sotte en ville*); онъ впоследствии былъ и главноуправляющій. Онъ, кажется, принялъ къ намъ отставного инженера (чуть ли не капитана) Французскаго Сеновера, который шатался по Европѣ и у насъ въ крайности продавалъ по улицамъ табакъ въ Петербургѣ. Онъ былъ принятъ прямо генерал-майоромъ. Были еще Французы: Рокуръ, знающій инженеръ, и Ганрі, добрый человѣкъ, но знавшій только устройство ватерклозетовъ. Еще былъ Французъ Ферранденъ Газанъ, по рассказамъ, очень ученый, но чудакъ, неряха, жилъ свиньей и человѣкъ развратный. Наконецъ, по контракту служили два Француза: Ламе и Клаперонъ; первый превосходный физикъ, механикъ, интегралистъ и вообще математикъ-теористъ, а второй вѣтрена голова, впрочемъ тоже былъ профессоромъ.

Такимъ образомъ основаніе нашему корпусу положено Французами и притомъ прекрасными инженерами. Отъ этого институтъ не былъ похожъ ни на одно заведеніе. Во всѣхъ корпусахъ до Государя Николая были Содомы и Гоморры, вертепы грязи, пакостей, шалостей всѣхъ возможныхъ, и ничего благороднаго. Нашъ институтъ началъ новую эру. Зданіе построили для института просторное, свѣтлое, чистое; каждый этажъ имѣетъ свое назначеніе: нижній—столовая, средній—классы и рекреационныя залы, верхній—спальни. Воспитанникамъ никогда не было нужды и не позволялось ходить изъ одного этажа въ другой, и потому воспитанники не бродили во всякое время по заднимъ дворамъ, какъ въ корпусахъ. Впрочемъ, это уже съ 1824 года, а до того всѣ жили по домамъ своимъ и приходили въ институтъ на лекціи, какъ въ университетъ. Институтъ былъ въ домѣ Юсупова, нынѣ домъ главноуправля-

ющаго. Даже курсъ весь у насъ читался по-французски, и много предметовъ было такихъ, которыхъ ни одно заведеніе еще и не знало. Начертательная геометрія, теорія тѣней и перспективы, разрѣзка камней, строительное искусство неизвѣстны были даже и аудиторіямъ университетовъ; приложеніе алгебры къ геометріи, дифференціалы, интегралы, коническія сѣченія, геометрія въ пространствѣ, раціональная механика неизвѣстны были ни одному заведенію инженерному. Все это впоследствии взято отъ насъ. При умноженіи корпуса инженерами, выпущенными уже изъ нашего института, образовали военно-строительный отрядъ и туда стали переводить сбродъ прежнихъ инженеровъ. Надо сказать, что даже исторія Русская должна отдать справедливость нашимъ Французскимъ инженерамъ, бывшимъ первыми насадителями порядка и знанія во всѣхъ Петербургскихъ военныхъ заведеніяхъ. Сколько институтъ приготовилъ инженеровъ-профессоровъ, учившихъ вездѣ во всѣхъ заведеніяхъ! Прежде были или школьные учителя, или гелертеры Нѣмецкіе. Потье написалъ превосходную книжечку: начертат. геометрію, теорію тѣней и перспективы; этой ясности, чистоты до того у насъ и помину не было. Базенъ написалъ интегралы и дифференціалы, Дѣстремъ механику, Ганрі курсъ построенія (частію взятый изъ курса Ганзена), Ламе и Клаперонъ послѣ составили литографическіе листы физики, химіи, прикладной механики, прилож. алгебры къ геометріи, и проч. Потомъ образовались уже Русскіе: Волковъ, проф. курса построенія, Улыбышевъ анализа математич., Языковъ военныхъ наукъ, Скальскій словесныхъ наукъ и рисованія, Зуевъ черченія и рисованія, Севастьяновъ начертательной геометріи и разныхъ приложеній ея; позже Мельниковъ анализа; еще позже Ястржембскій механики; Кербедзъ, Соболевскій, и проч. Всѣхъ не пересчитывать здѣсь. Нашъ институтъ образовалъ ученыхъ не педантовъ, какъ было прежде, а образованныхъ людей.

Теперь я хочу сказать только болѣе о Дѣстремъ. Онъ Гасконецъ, готовился въ провинціи въ адвокаты, слѣдовательно получилъ самое многостороннее образованіе по всѣмъ словеснымъ наукамъ. Во Франціи пріемъ въ Политехническую Школу производятъ такъ: экзаменаторы, профессеры изъ Парижа, объѣзжаютъ всѣ провинціи, экзаменуютъ всѣхъ, кто желаетъ, и стараются пріискивать съ отличными способностями и знаніями. При такомъ экзаменѣ Дѣстремъ отличился, ему профессеры выдали аттестатъ, и онъ отправился пѣшкомъ въ Парижъ, въ Политехническую Школу. Поэтому теперь надо удивляться многосторонности знаній Дѣстрема. Строительное искусство инженера нашего, анализъ математическій, науки горныя, морскія, технологія, философія, исторія, языки: Русскій, Англійскій, Латинскій,

частію Итальянскій и Испанскій; въ его библіотекѣ даже романы Русскихъ литераторовъ есть... Но нѣтъ, чувствую, что я завелъ рѣчь слишкомъ обширную, и потому до другого раза, а теперь только кончу...

Эти четыре инженера пріѣхали въ Россію, кажется, въ 1810 году, и Дѣстремъ пролагалъ Военно-Грузинскую дорогу. Онъ опредѣлилъ новое нынѣшнее направленіе и устроилъ ее. Теперь находятъ въ ней неудобства, но другой лучше нѣтъ и не знаютъ. Въ 1812 году, при шествіи Наполеона въ Россію, ихъ всѣхъ четырехъ забрали подъ присмотръ, и по мѣрѣ приближенія Наполеона ихъ удаляли и наконецъ довели до Иркутска и, кажется, Якутска. Это время они, и болѣе двое изъ нихъ, Базенъ и Дѣстремъ, употребили на изученіе Русскаго языка и эти двое знали его прекрасно. Дѣстремъ перевелъ очень хорошо нѣсколько басенъ Крылова и изъ Россіады Хераскова; Базенъ тоже что-то перевелъ. Дѣстремъ учился мнемонически: чтобы запомнить слово *багоръ*, онъ составилъ въ умѣ цѣлый анекдотъ, будто бы онъ уронилъ въ саду золотое кольцо, и, видя, что можно его достать, говорилъ по-французски мужику перевозчику *bagie or*, а тотъ беретъ багоръ и достаетъ кольцо, и проч. Будучи въ Сибири и не зная что дѣлать, они всѣ четверо подали рапортъ или записку и просили позволенія сдѣлать описаніе Сибири въ геологическомъ, ботаническомъ, зоологическомъ, этнографическомъ, и проч., словомъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и даже просили, чтобы имъ дали инструмента геодезическіе: они бы сняли главныя рѣки и хребты горъ, и проч. Прекрасная ихъ мысль подавъ губернатору подозрѣніе, что они хотятъ это сдѣлать для Наполеона, и ихъ просьба осталась втунѣ. Послѣ 12-го года они были профессорами, а еще далѣе Базенъ занимался постройками въ Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ Бетанкура и самъ потомъ устраивалъ обводный каналъ, составлялъ проектъ Шлюссельбургскихъ шлюзовъ и былъ директоромъ института. А Дѣстремъ былъ начальникомъ II-го округа, попалъ подъ судъ, былъ въ большой крайности, назначенъ въ 1828 году старшимъ членомъ комиссіи для разсматриванія проектовъ и смѣтъ, и тутъ опять проектами поднялся, особливо форта морскаго въ Кронштадтѣ и Благовѣщенскаго моста. Потѣе былъ въ Одессѣ, строилъ карантинъ, былъ лучше и умнѣе всѣхъ, но толку мало отъ него было. Фабръ отдѣлился давно въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній.

Дѣстремъ въ комиссіи показалъ, что у него золотая голова и богатая свѣдѣніями. Всѣ министры безпрестанно присылали къ нему съ вопросами объяснить то и другое.

Разъ пріѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Головинскій изъ Выш-

няго Волочка. Дѣстремъ ему говоритъ: «полковникъ, дѣло о фашинныхъ тюфякахъ слѣшкомъ неважное, чтобы вамъ надобно было самимъ прѣзжать; вы вѣрно прѣѣхали за чѣмъ нибудь другимъ?»—«Это былъ pretextъ. ваше превосход., а я прѣѣхалъ по случаю выхода замужъ одной кузины.»—«Ah, ha! vous avez appliqué donc votre cousine à un matelas de fascines.»

Девятининъ.

Девятининъ первоначально учился въ Горномъ корпусѣ, потомъ у насъ. Онъ былъ адъютантомъ при герцогѣ Виртембергскомъ и занимался при немъ собственно его домашними дѣлами, перепиской и проч. Герцогъ умеръ за границей на его рукахъ и на рукахъ своей дочери. Девятининъ плакалъ искренно о немъ, плакалъ на пароходѣ, возвращаясь въ Россію и рассказывая графинѣ Фридерихсѣ (другу Императрицы) о кончинѣ герцога. Черезъ графиню и Императрицу это дошло до Государя, и когда Девятининъ былъ представленъ Государю, то, какъ человѣкъ, котораго любилъ герцогъ, и по просьбѣ, кажется, дочери герцога былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, прослуживъ только 16 лѣтъ до этого чина. Тогда Девятининъ былъ молодъ, красавецъ собой, холостой, генералъ, танцующій Французскую кадрили, говорящій скоро и прекрасно по-французски... Вскорѣ его назначили директоромъ департамента; онъ занялся дѣлами, такъ что разстроилъ зрѣніе и ѣздилъ за границу лѣчиться. Три года онъ былъ генералъ-маіоромъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ товарищемъ главноуправляющаго. Тутъ Девятининъ совершенно предался министерскимъ дѣламъ, и думаю, что изъ него могъ бы быть государственный человѣкъ лучше многихъ. Но все это не даромъ досталось; жениться уже поздно стало, стали являться болѣзни отъ множества занятій, и связь съ Ольгиной мѣшала этому. Вступилъ Клейнмихель на мѣсто Толя умершаго, Девятининъ отрѣшился отъ должности товарища и назначилъ просто членомъ министерскаго нашего Совѣта, а товарищемъ сдѣлалъ Рокасовскаго Алексѣя Ивановича, котораго поднялъ Девятининъ и сдѣлалъ на мѣсто себя директоромъ департамента. Девятининъ, когда и здоровъ былъ Толя, управлялъ всѣми дѣлами; а когда Толя былъ боленъ, то уже рѣшительно занимался всѣмъ. На него упрекъ падаетъ тотъ, что онъ благоволялъ къ начальникамъ отдѣленій департамента Березкину (по шоссе) и Каневецкому (по водянымъ сообщеніямъ), которые брали взятки, также къ Чедаеву, нашему полковнику, который на Московскомъ шоссе, какъ говорится, маху не давалъ. Отъ этого многіе думали, что и самъ Девятининъ черезъ нихъ бралъ взятки. Правда ли это, Богъ знаетъ; но можно

и не вѣрить этому. Рокасовскій прекрасный человѣкъ, хотя и лѣнивый и трусливый. По смѣли своей Деятининъ и виду не подалъ каприза..., смирился и какъ въ Совѣтѣ, такъ и во всѣхъ комитетахъ, куда его назначалъ Клейнмихель, занимался усердно, трудолюбиво и больше всѣхъ. Жаль его. Изъ него могъ быть хорошій министръ. Онъ умеръ и оставилъ своимъ смиреніемъ пятно на Клейнмихелѣ, который не умѣлъ его оцѣнить или, лучше сказать, при вступленіи хотѣлъ показать, что у насъ въ управленіи страшное зло, что главною виною этого зла Деятининъ, и Деятининъ палъ и умеръ жертвой.

Графъ Толь.

Дибичъ, Паскевичъ и Толь три человѣка замѣчательные. Первый теоретикъ военный, второй храбрый воинъ, третій и то, и другое. Кроме того Толь истинно былъ государственный человѣкъ. Онъ достойнѣе всѣхъ былъ быти военнымъ министромъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Подъ Варшавой онъ, увидя впереди огороды, заплѣлъ: «ахъ, на что было огородъ городить, ахъ на что было капусту садить»... бросился впередъ, и всѣ солдаты за нимъ. Военные бранили его за то, что ругался очень рѣзко и былъ чрезвычайно гордъ. Эти недостатки и удержали его возвышеніе. У насъ онъ ругался, но рѣдко, и во всякомъ случаѣ не могъ сдѣлаться придворнымъ, а гордость его отстранила все наше управленіе отъ другихъ и вообще отъ правительства. Онъ не знакомился почти ни съ кѣмъ изъ министровъ, а изъ посланниковъ и подавно, началъ все болѣе и болѣе болѣть, и нашъ корпусъ много потерялъ отъ этого. Но онъ все-таки сохранилъ нашъ корпусъ, какъ онъ былъ; корпусъ все-таки смотрѣлъ собраніемъ людей ученыхъ и образованныхъ. Клейнмихель вступилъ и все разрушилъ. Теперь это уже не корпусъ инженеровъ, а корпусъ строителей и архитекторовъ, часто безъ всякихъ познаній, корпусъ, состоящій изъ сброда, принятаго изъ разныхъ службъ. Мѣсто главноуправляющаго было мало для Толя, и это его, кажется, огорчало; потому что, что значили 4 милліона серебромъ на все главное управленіе и на всѣ работы? Съ такою суммою дѣйствія главноуправляющаго не могутъ выказаться въ хорошемъ свѣтѣ. Клейнмихель получаетъ 5 милліоновъ и тоже страдаетъ, оттого что мало работъ производится. При Толѣ принялись за шоссе, и хотя нѣкоторыя шоссе дурно устраивались (отъ Смоленска до Соловьева Перевоза, Ярославское), но ему мы обязаны мыслью о распространеніи шоссе, и при немъ многіе законы по устройству ихъ внесены въ Сводъ Законовъ. Онъ же воскресилъ Королевскій каналъ, узнавши это сообщеніе во время Польской кампаніи. Осматривая Вышерскій каналъ подъ Новго-

родомъ, онъ сказалъ, чтобы и Рейхель, нашъ генераль-маіоръ, сѣлъ съ нимъ на дрожки. Рейхель, садясь, рукояткой шпаги задѣлъ его нѣ бокъ, который у него болѣлъ (онъ дома, въ Петербургѣ, у себя въ кабинетѣ переломилъ ребро, упавъ на уголъ письменнаго стола). Отъ боли Толь не вытерпѣлъ и сказалъ: Когда же послѣ Толь благодарилъ Рейхеля за всѣ работы, этотъ послѣдній сказалъ ему, что только напрасно его сіятельство такъ ругнулъ заслуженнаго уже офицера. Толь за это просилъ простить стараго солдата.

Прежде у насъ были при всякой новой большой работѣ отдѣльные, независимыя отъ округа, управляющіе. Такимъ былъ Бугайскій, полковникъ, завѣдывавшій устройствомъ канала между Сестрой и Истрой съ Волги въ Москву-рѣку. Тутъ сдѣлали, что директоръ работъ, т. е. второе лицо послѣ управляющаго, прямо долженъ былъ относиться въ округъ, минуя управляющаго. Бугайскій взбѣсился, и когда Толь пріѣхалъ туда и спросилъ его, что онъ новаго ему покажетъ, Бугайскій сказалъ: «не знаю». Толь началъ выходить изъ себя, сердиться и снова спрашивать, а Бугайскій блѣднѣлъ и сквозь зубы, исподлобья, какъ упрямый баранъ, отвѣчалъ одно и тоже: «я ничего не знаю». Толь, красный какъ ракъ, даже со сжатыми кулаками, наступалъ, а Бугайскій, блѣдный какъ смерть, тоже сталъ въ позицію со сжатыми кулаками. Наконецъ Толь опомнился, отвѣжалъ отъ него и, немного успокоившись, сказалъ: «прошу васъ, полковникъ, объяснить мнѣ, что значатъ ваши отвѣты и отчего вы не знаете?»—«Оттого, что по новому положенію директоръ работъ доноситъ округу мимо меня».—«А! зачѣмъ же вы мнѣ прямо этого не сказали? Это мы поправимъ, будьте увѣрены. А теперь я прошу васъ, какъ Михаила Николаевича Бугайскаго, показать мнѣ работы».—«О, если такъ, съ большимъ удовольствіемъ, ваше сіятельство». Они поѣхали. Толь былъ очень доволенъ.

Полковникъ Николай Ивановичъ Богдановъ былъ прекрасный человекъ, но заносившійся. Онъ свидѣтельствовалъ работы оконченнаго Королевскаго или Герцога Александра Виртембергскаго канала, и донесъ, что всѣ работы превосходны, что бичевникъ такой, что онъ ѣхалъ все время четверкой въ рядъ въ коляскѣ, во весь духъ лошадей, но что каналъ стоитъ 4 милліона ассигн., а въ годъ проходятъ 4 баржи по каналу, и что если бы 4 милліона положить въ банкъ и на одни проценты перевозить гужомъ даромъ товары, то еще осталась бы сумма ежегодно на какія-нибудь поощренія торговли. Шлюзъ или плотину, которую Толь видѣлъ самъ и называлъ знаменитою (такъ ему понравилась постройка), Богдановъ забраковалъ въ чемъ-то, въ пустякахъ.

Толь его называлъ энтузіастомъ добра, и какъ вообще Богдановъ только могъ мѣшать управленію, то и воспользовался требованіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири инженера для составленія проекта Кругобайкальской дороги. Онъ написалъ Богданову, что въ Сибирь нужно золотого человѣка, и онъ посылаетъ его. Богдановъ поѣхалъ, но черезъ годъ или два, наваривши и тамъ каши, прислалъ просьбу объ отпускѣ въ Петербургъ на 28 дней. Отпускъ вышелъ, и онъ на другой или на третій день явился въ Петербургъ. Дѣло въ томъ, что онъ по предписанію генералъ-губернатора поѣхалъ изъ Иркутска на Западъ и, верстъ за тысячу не доѣзжая Петербурга, послалъ просьбу, и проч. Въ эти 28 дней онъ хлопоталъ у Клейнмихеля (бывшаго тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній) и устроился такъ, что сперва Толь препокорно просилъ Клейнмихеля согласиться на переводъ кого-то къ намъ въ корпусъ, и когда Толь высказалъ, что готовъ все сдѣлать, то Клейнмихель и поставилъ условіемъ, чтобы Толь отдалъ Клейнмихелю Богданова, Толь уже не могъ не согласиться. При отправленіи въ Сибирь, Богдановъ сперва не хотѣлъ ѣхать; ему снова предписали, онъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ; ему дали денегъ, онъ получилъ и ужъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать; тогда его чуть не съ конвоемъ отправили. И послѣ, и прежде онъ столько надѣдалъ Толю, что Толь рѣшительно хотѣлъ обо всѣхъ его поступкахъ доложить Государю и просить повелѣнія снова его отправить въ Иркутскъ и не давать отпуска. Но Клейнмихель перехитрилъ и перетянулъ Богданова къ себѣ. Разъ Толь дотога взбѣсился на Богданова и наступалъ со сжатыми кулаками, что Богдановъ напомнилъ Толю, что и онъ можетъ забыться и забыть, что онъ мужъ и отецъ; Толь убожалъ въ кабинетъ и захлопнулъ дверь.

Былъ еще у насъ Башуцкій, штабъ-офицеръ строительнаго отряда, глупый какъ нельзя болѣе и родня коменданту Башуцкому. Этотъ Башуцкій былъ посланъ свидѣтельствовать что-то на шоссе около Петергофа или Нарвы, не помню. Пріѣзжаетъ туда же и Толь и узнаетъ, что тутъ же Башуцкій. Онъ посылаетъ за нимъ; Башуцкій не сказался дома. Толь еще посылаетъ, Башуцкій сказалъ, что у него формы нѣтъ съ собой. Толь посылаетъ сказать, что пусть хоть въ шубѣ придетъ, что ему нужно отдать ему приказанія. Башуцкій сказалъ, что боленъ, и все-таки не пошелъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ съ однимъ халатомъ и шубой (зимой). Толь велѣлъ ему явиться къ нему въ Петербургъ. Наконецъ и Толь, и Башуцкій въ Петербургъ. Башуцкій въ парадной формѣ, т. е. въ шарфѣ, является къ Толю, и видно пришелъ рано, что довольно долго ждетъ одинъ въ залѣ. Башуцкій дотога перетрусилъ, что ходитъ взадъ и впередъ по большой залѣ медленнымъ шагомъ и крес-

тится. Наконецъ дверь кабинета на одномъ концѣ залы отворилась, и Толь видитъ, что Башуцкій на половинѣ залы приближается по направленію къ кабинету и крестится на дверь кабинета. Толь сказалъ громко: «пожалуйте сюда!» Башуцкій сталъ пятиться назадъ и продолжаетъ креститься. «Подите сюда!» Башуцкій все пятится и крестится съ поклонами на Толя и на его дверь. «Я васъ зову сюда, въ кабинетъ!» Башуцкій все молится и пятится. Толь плюнулъ, сказавъ: «ступайте вонъ!» и захлопнулъ дверь, а Башуцкій былъ въ восторгѣ, что такъ счастливо кончилось.

Толь, когда вступилъ, никакихъ преобразованій не дѣлалъ, никого не смѣнялъ, и все шло своимъ порядкомъ. Генералъ Базень самъ вышелъ изъ корпуса нашего, потому что надѣялся самъ быть главноуправляющимъ, и обидѣлся. Варенцовъ начальникъ штаба, и Борейша, директоръ департамента, управлявшіе всѣми и всѣмъ, остались на мѣстахъ. Варенцовъ вышелъ уже гораздо послѣ черезъ годъ, потому что занимался болѣе картежной игрой, а Борейша сдѣлалъ фальшивое показаніе въ одномъ формулярномъ спискѣ, и ихъ удаленіе произошло отъ частной ихъ собственной вины. Графъ Толь былъ строгъ, но уменъ и благороденъ. Измѣненій въ управленіи онъ не дѣлалъ при вступленіи; уже послѣ, когда Девятнинъ выступилъ на сцену, явилось новое положеніе объ округахъ, положеніе о строительныхъ комиссіяхъ, разные дорожные законы объ устройствѣ шоссе, новыя правила производства работъ, а главное, правила технической отчетности. Все это были дѣла серьезныя, и хотя имѣли свои недостатки въ практикѣ, но всетаки надо сказать спасибо за нихъ. Потомъ Толь былъ часто боленъ и сидѣлъ медвѣдемъ, не знакомясь ни съ кѣмъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему правительству. Жаль Толя. Отпѣвали его въ Аннинской киркѣ на Литейной, войсками командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, Государь былъ при отпѣваніи въ киркѣ и провожалъ до Невского проспекта. За Нарвской заставой гробъ сняли съ колесницы и поставили въ ящикъ при пальбѣ войска, а ящикъ на роспуски, и повезли въ имѣніе его.

*

Говорятъ, что Яковлевъ-богачъ въ духовномъ завѣщаніи сказалъ: «а сыну моему, негодая Савкѣ, 70 милліоновъ».

*

Всѣ придворные говорятъ, что Волконскій скупъ на расходы по двору, и что разъ онъ докладывалъ Государю, что посланный за границу изъ придворныхъ пѣвчихъ теноръ Ивановъ не хочетъ возвращаться въ Россію, а заключилъ гдѣ-то контрактъ съ театромъ за нѣсколько

десятокъ тысячъ. Государь на это спросилъ: «а сколько вы ему дадите жалованья, если онъ прїѣдетъ?»—«По штату, ваше величество, 800 рублей».—«Дуракъ же онъ будетъ, если прїѣдетъ».

*

На какомъ-то вечерѣ играли въ вистъ два чрезвычайные посла и еще съ кѣмъ-то. Англійскій посланникъ уронилъ золотую монету при расплатѣ и нагнулся пскать ее, а Французскій посланникъ вытащилъ нѣсколько крупныхъ ассигнацій, зажегъ ихъ и сталъ свѣтить тому подъ столомъ.

*

Когда Дибичъ и Паскевичъ пошли въ ходъ, то, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: «на Ванькахъ недалеко уѣдешь». Ихъ обоихъ зовутъ Иванами, а Ваньки послѣдній разрядъ павошниковъ, т. е. мужичковъ, прїѣзжающихъ въ Петербургъ на зиму съ такъ называемыми Галицкими санками для городской легкой ѣзды. Такихъ санокъ нынче ужъ нѣтъ, и Ваньками называютъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ колодъ или биржи, а ѣздящихъ въ деревянныхъ старыхъ санкахъ.

*

Послѣ удаленія Ермолова жена Паскевича, кажется, въ Москвѣ давала обѣды. Кто-то сказалъ, что Ермолову на старости хорошо отдохнуть въ отставку. Жена Паскевича сказала: «а служить еще лучше!» Кто-то переговорилъ: «да, ослу жить еще лучше!» понимая тутъ ея мужа *).

*

Адмиралъ Мачаковъ былъ такъ малъ ростомъ, что, говорятъ, будто, будучи мичманомъ, онъ жилъ въ Кронштадтѣ въ низенькомъ деревянномъ домикѣ и спалъ на тюфякѣ у самаго окна, когда окно лѣтомъ было открыто, и будто воръ, не примѣтя его, сложилъ тюфякъ, закинулъ на плечи и побѣжалъ. Голова и ноги Мачакова торчали съ боковъ за спиной вора изъ тюфяка, и воръ наконецъ бросилъ покражу, испугавшись крика Мачакова.

*

Поэтъ Дмитріевъ доживалъ въ Москвѣ свою старость, одинокій. Очень часто бывалъ въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ всѣ, и большіе, и малыя дѣти, и женскій полъ, очень любили его и по добротѣ его всегда обращались къ нему словами: «душенька Иванъ Ивановичъ!» Онъ былъ какъ домашній человѣкъ. Одинъ прїѣзжій въ Москву провинціалъ познакомился съ нимъ въ этомъ домѣ и, считая Дмитріева за бѣднаго

*) Въ бесѣдахъ съ пишущимъ эти строки, А. П. Ермоловъ называлъ князя Паскевича (Эрппаненаго) не иначе какъ Эрпхонскій. П. Б.

чиновничка, но видя общую любовь къ нему, принялъ въ немъ участіе и совѣтовалъ ему пріискать мѣстечко для полученія жалованья. «Гдѣ ужъ мнѣ! Въ мои лѣта какъ можно служить?» отвѣчаетъ Дмитріевъ.— «Да вы только для жалованья: я въ Москвѣ имѣю знакомства и обещаю навѣрное доставить вамъ мѣстечко». — «Покорно васъ благодарю: я ужъ не могу служить». — «Да вы служили гдѣнибудь? Получаете пенсію?» — «Да, я получаю пенсію, которою и живу». — «Ну что, какая-нибудь бездѣлица! Кѣмъ вы служили?» — «Вы, право, напрасно беспокоитесь: я благодарю васъ за вниманіе, но не могу уже на старости вступить въ службу!» — «Но кѣмъ вы служили?» — «Я... я былъ министромъ юстиціи, моя фамилія Дмитріевъ». — «Боже мой! простите! виновать!» и проч.

*

Говорятъ, будто конопатчики на вопросъ, куда они идутъ, отвѣчали: «въ адмиралтейство, «императрицу» конопатить». Впрочемъ и самъ Государь разъ въ Кронштадтѣ, когда корабль этотъ былъ въ сухомъ докѣ для перетимберовки, спросилъ съ улыбкой командира корабля: «такъ ты находишь, что «Императрица» стара?» — «Никакъ нѣтъ, ваше величество, корабль «Императрица Александра» еще новъ, но потерпѣлъ въ морѣ и только требуетъ тимберовки». — «А!»

Матросы называли корабль «Фершампенуазъ» — «Фершалъ-у-насъ», корабль «Трехъ Іерарховъ» — «Трахтарарахъ», моего отца вмѣсто Нордштейнъ — Форштейнъ, Цитадель (морское укрѣпленіе на рейдѣ Кронштадта) — «чудодѣлъ».

*

Давно уже, около 1830 года, двоюродный братъ мой, Николай Васильевичъ Нордштейнъ, былъ съ командой матросовъ въ Петербургѣ на Охтѣ. Разъ Государь ѣдетъ въ саняхъ чрезъ Храповицкій мостъ и встрѣчаетъ пьянаго матроса, останавливается и приказываетъ матросу подойти. Этотъ упалъ на колѣни. «Кто твой ротный командиръ?» спрашиваетъ Государь. — «Николай Васильевичъ». — «Какъ его фамилія?» — Оказалось, что онъ не знаетъ. Государь велѣлъ матросу сѣсть на запятки и довести до малаго адмиралтейства, гдѣ и сдать на гауптвахту, а потомъ приказалъ Николаю Васильевича посадить на гауптвахту.

*

Когда Константинъ Павловичъ правилъ Польшей, то за какую-нибудь вину писалъ резолюцію: «сослать въ Сибирь, въ городъ Волковыскъ».

*

Василій Яковлевичъ Кашперовъ, нашъ умершій уже полковникъ, былъ вообще чудакъ, но честнѣйшій и превосходнѣйшій человѣкъ. Разъ ему Клейнмихель приказывалъ что-то насчетъ Динабургскаго шоссе и прибавилъ: «да смотрите же, полковникъ, чтобы было хорошо», и проч. Кашперовъ перебилъ его: «Это ужъ не ваше дѣло, ваше сіятельство, а мое. Ужъ я буду хлопотать», и проч. Подобная выходка однако не разсердила Клейнмихеля.

*

Очень давно, прежде 20-го года, какой-то военный генералъ, смотрѣвъ, какъ пропускали суда чрезъ шлюзъ какого-то канала, сказалъ: «все это прекрасно; но зачѣмъ эта медленность—то одни ворота отворять да запрутъ, то другіе отворять и опять запрутъ; отворить бы обои ворота вдругъ!»...

*

Левашевъ, бывшій предсѣдатель государственнаго совѣта, считался какъ-то товарищемъ кн. Меншикова и Киселева. Онъ былъ также всегда кандидатомъ на званіе министра; ему хотѣлось быть морскимъ министромъ, но онъ ни въ какіе министры не попалъ. Я видѣлъ его на яхтѣ *Нева*, принадлежащей Наслѣднику, когда ею командовалъ двоюродный братъ мой, гвардейскаго экипажа штабъ-офицеръ, Михаилъ Ивановичъ Шлейнъ. Когда онъ сдѣлался начальникомъ отдѣльнаго управленія государственнаго коннозаводства, и имѣніе графини Орловой, или собственно заводъ конскій, поступило въ казну, то бывшее при этомъ огромное стадо овецъ было продано съ публичнаго торга, какъ ненужное казнѣ, и купилъ его за безцѣнокъ самъ же Левашевъ. Вскорѣ онъ и умеръ. Государь по этому случаю сказалъ Наслѣднику: «Вотъ видишь, каковы они всѣ! Сколько ихъ ни жалуй, они всѣ готовы продать меня! Тебѣ это примѣръ и наука, запомни для своего царствованія».

*

Не помню въ которомъ году, нашъ полковникъ Адамъ строилъ шоссе, кажется, отъ Краснаго Села къ Стрѣльнѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Въ великомъ посту вздумали построить это шоссе и сказали Адаму, чтобы ѣзда была открыта къ 1-му Іюля. Надо было сдѣлать съемку и нивелировку, составить проектъ и смѣту, сдѣлать земляную насыпь и полотно и разсыпать щебень. Послѣднія приказанія ни съ чѣмъ несообразны, потому что земляная насыпь будетъ рыхла, не осадетъ, и щебеночная насыпь никогда не укрѣпится, лежа на нетвердомъ полотнѣ. Но велѣли, и шоссе готово немного прежде 1-го Іюля. Адамъ составилъ отчетъ и сдалъ шоссе, все прежде 1-го Іюля. Прежде же этого числа

его представили за такіе успѣхи къ награждѣ, и онъ получилъ Владимира на шею. А потомъ около 1-го Іюля Государь поѣхалъ по этому шоссе, и лошади пзгнурились до того, что одна пала на дорогѣ, экипажъ завязъ въ шоссе, и Государь долженъ былъ идти пѣшкомъ остальную часть дороги.

Въ Петербургѣ Канкринъ вздумалъ самъ строить чугунный мостъ въ Коломнѣ, отъ церкви Никольской къ рынку, что на Садовой. Назначенъ былъ Адамъ строителемъ. Смѣта и проектъ готовы; Канкринъ сказалъ: «О, нѣтъ, батюшка, это дорого! Полковникъ Адамъ хочетъ много украсть!» и самъ убавилъ толщину стѣнокъ чугунныхъ ящиковъ до полъ-дюйма, кажется втрое противъ смѣты тоньше. Адамъ отказался строить. Кларкъ, бывший директоръ чугунно-литейнаго завода, когда ему заказали отлить ящики, подалъ отъ себя мнѣніе, что онъ много уже занимался приготовленіемъ чугунныхъ издѣлій и по опытности своей долженъ замѣтить, что толщина мала, что такой толщины и примѣра еще не было для мостовъ, и что онъ не можетъ отвѣчать за крѣпость ящиковъ въ самомъ мосту. Канкринъ сказалъ, что это не его дѣло. Мостъ поручилъ Канкринъ строить Завадовскому, бывшему нашему офицеру, крайне незпому человѣку головою, учившему дѣтей Канкринъ и перешедшему въ горное вѣдомство. Мостъ выстроенъ. Назначено было въ такой-то день въ 9 часовъ освятить его, а онъ рухнулъ въ половинѣ 9-го часа: лопнули средніе крѣповые ящики, и все упало *).

Говорили, что устоя береговые не крѣпки были, но это неправда; вся причина въ тонкости стѣнокъ у ящиковъ. Завадовскаго посадили на гауптвахту; но Канкринъ все принялъ на себя и заплатилъ свои деньги на перестройку моста, а Завадовскій освобожденъ отъ слѣдствія. Этотъ же Завадовскій строилъ послѣ Синій мостъ, т. е. уширялъ его во всю площадь дворца Маріи Николаевны.

*

Въ сороковыхъ годахъ Государю кто-то прислалъ въ подарокъ выпи-
санныя его же резолюціи изъ секретныхъ дѣлъ жандармскаго управле-
нія. Оказалось, что и дѣла, числомъ до 20-ти, украдены; кажется, болѣе

*) Тогда Соболевскій сочинилъ:

Кто странъ, скажите, отчей
Придалъ исполнскій ростъ?
Кто построилъ чудный зодчій
Самопадающій мостъ.

См. его Канкриніаду, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897, III, 297. II. Б.

по Польскимъ дѣламъ. Думали, что сильно достанется Дубельту. Однако чѣмъ кончилось, неизвѣстно.

*

Поэтъ А. С. Пушкинъ въ деревнѣ, дурачась, садился задомъ напередъ верхомъ на клячу, въ какомъ-то смѣшномъ костюмѣ, дѣлалъ дурацкую рожу, и мальчишки бѣгали за нимъ, кричали: «у-у-у!» и дергали за ноги.

Въ Петербургѣ, въ Толмачевомъ переулкѣ, отъ Гостиного двора къ нынѣшнему Александринскому театру, бывшемъ, кажется, глухимъ, былъ кабакъ въ родѣ харчевни. Пушкинъ съ Дельвигомъ и еще съ кѣмъ-то въ компаніи, человекъ по пяти, иногда ходили, переодѣвшись въ дрянныя платья, въ этотъ кабакъ кутить, наблюдать нравы такихъ харчевень и кабаковъ и испытывать самимъ тамошнія удовольствія.

*

Послѣ Турецкой экспедиціи, т. е. когда были посланы войска въ помощь султану противъ Египетскаго паши, отправлялся посланникъ нашъ въ Константинополь. Онъ не былъ въ Константинополѣ во время пребыванія тамъ той экспедиціи подъ начальствомъ графа Орлова, и узнавъ, что командиръ фрегата (кажется), на которомъ теперь ѣхалъ, былъ въ то время тамъ, спросилъ этого флотагу: „вы были на балѣ, который давалъ графъ Орловъ?“—«Былъ».—«Кто же былъ на балѣ? Какое общество?»—«Да во-первыхъ я, потомъ графъ Орловъ, а тамъ посланники и всякая дрянь.» Флотскіе часто любятъ щеголять своею безыскусственностью и часто бываютъ грубы.

*

Въ 1842 году, кажется, въ журналѣ «Сынъ Отечества», была напечатана повѣсть, гдѣ на балѣ на Пескахъ упомянутъ офицеръ путей сообщенія въ высочайшемъ галстукѣ. Клейнмихелею это не понравилось, и сочинитель сидѣлъ на гауптвахтѣ; но, кажется, сидѣли и редакторъ и цензоръ. Не знаю, кому-то изъ нихъ сдѣлалъ за это словесный выговоръ Бенкендорфъ, дѣлалъ выговоръ серьезный, но самъ улыбался.

*

Башуцкій и Мартыновъ отличались своею глупостью. Много анекдотовъ рассказывали про того и другого, и даже многое приписывали второму, что было съ первымъ, или даже можетъ быть и прежде Башуцкаго, съ какимъ-нибудь другимъ дуракомъ. Но трудно добратся, кому какая глупость принадлежитъ, и потому я вообще говорю про «коменданта».

1. Въ одинъ торжественный царскій день молодежь придворная окружила коменданта на балконѣ дворца и стала его спрашивать: «какъ это ваше превосходительство дѣлаете, что въ самую минуту, когда здорové пьютъ за столомъ царскимъ, пальба изъ крѣпости начинается, такая скорость въ подачѣ сигнала непонятна.»—«Это очень просто, отвѣчалъ онъ самодовольно, стоитъ только махнуть платкомъ вотъ такъ»... И онъ махнулъ платкомъ, а изъ крѣпости выпалили, и пошла пальба. Комендантъ въ испугъ началъ больше махать, чтобъ перестали, а съ крѣпости палили чаще. Молодежь разбѣжалась. Государь смѣялся, какъ жетса, Александръ I.

2. На одномъ разводѣ комендантъ, увидѣвъ, что одинъ музыкантъ духовой музыки не играетъ, закричалъ: «Что ты не играешь, а? Вотъ я тебя!»—«Амбушуръ потерялъ, ваше превосходительство», отвѣчалъ музыкантъ.—«Что? Казенныхъ вещей не теряютъ! За это подѣ судъ, разбойникъ!» Онъ думалъ, что амбушуръ принадлежитъ къ инструменту.

3. Въ другой разъ, на такой же вопросъ, музыкантъ отвѣчалъ: «пауза, ваше превосходительство.»—«Врешь, въ службѣ отговорокъ нѣтъ!» воскликнулъ комендантъ.

4. Еще разъ, идя мимо музыкантовъ, игравшихъ на мѣдныхъ трубахъ, которыя выдвигаются и укорачиваются, комендантъ сказалъ имъ: «пожалуйста передъ царемъ-то почаще, почаще.» И показавъ рукою, чтобы они почаще выдвигали и укорачивали.

Впрочемъ я самъ былъ свидѣтелемъ и слышалъ слѣдующее изреченіе Мартынова. Когда въ первый разъ показывали только что привезенную картину Брюлова «Послѣдній день Помпей», то она стояла въ Эрмитажѣ въ комнатѣ, на концѣ Рафаэлевой ложи или галлерей. Въ числѣ публики былъ и я. Вдругъ приходитъ Мартыновъ, сталъ передъ картиной, смотрѣлъ и сказалъ: «для меня лучше всего старикъ Помпей, котораго несутъ дѣти».

*

Недавно я прочелъ въ газетахъ о смерти романиста и драматическаго писателя Михаила Николаевича Загоскина. Это мнѣ напомнило, что я хотѣлъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о немъ и его братьяхъ. Вотъ онъ. М. Н. Загоскинъ женатъ, но жена *) до такой степени затворница и набожная женщина, что несмотря на то, что мужъ былъ директоромъ

*) Она была дочь того Новосильцова, который не жилъ съ супругою своею графиней Екатериной Владимировной Орловой. П. Б.

Московского театра, она никогда не бывала въ театрѣ; она никогда также нигуда не ѣдила въ гости, не имѣла никого знакомыхъ и занималась только, кажется, дѣтьми и молитвой въ церкви и дома, и можетъ быть чтеніемъ. Отчужденіе ея отъ свѣта было таково, что въ Москвѣ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ самъ М. Н. Загоскинъ былъ принятъ, многіе даже и не знали, что онъ женатъ. Такимъ образомъ одна пожилая дама, Московская старуха, охотница сватать, вздумала женить М. Н. З., и когда послѣ всѣхъ ея продѣлокъ и приготовленій она подступила наконецъ къ М. Н. З. съ совѣтомъ жениться, онъ долженъ былъ съ улыбкою объявить ей, что онъ давно женатъ.

Родной братъ М. Н. Загоскина, Алексѣй Николаевичъ, теперь полковникъ нашего Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, необыкновенно замѣчательная личность по характеру. Смолоду онъ былъ самый отъявленный развратникъ; онъ былъ безбожникъ, циникъ, не было выходки въ этомъ отношеніи, на которую бы онъ не рѣшался; впрочемъ онъ былъ всегда благороденъ, честенъ, кротокъ, имѣлъ необыкновенныя способности къ математикѣ и наконецъ былъ чрезвычайно разсвѣянъ. Онъ былъ окруженъ молодыми людьми, которые всѣ щеголяли другъ передъ другомъ въ исторіяхъ и знали наизусть сочиненія Баркова. Изъ дурачества эти молодые люди составили изъ себя общество, и Алексѣй Николаевичъ Загоскинъ имѣлъ дипломъ на званіе доктора этого общества по части безпутства. Теперь этотъ человѣкъ набожнѣйшій изъ всѣхъ набожныхъ. Не могу опредѣлить времени его перемѣны, можетъ быть это было около 27, 28, 29 годовъ; но теперь Загоскинъ профессоръ математики по прежнему и профессоръ одинъ изъ лучшихъ, т. е. знающихъ, или, вѣрнѣе сказать, не математики, а математическихъ вычисленій, потому что цѣли его вычисленій можно измѣнять и повертывать во всѣ стороны какъ флюгеръ, а вычисления все будутъ превосходны. Теперь въ немъ нѣтъ живаго человѣка, нѣтъ живой души, живого ума: онъ во всемъ кажется какимъ-то механизмомъ холоднымъ. Теперь онъ рѣдко пропускаетъ церковную службу, заутрени, обѣдни, вечерни и проч., рѣдко пропускаетъ слушать проповѣди священниковъ, особливо извѣстныхъ; не пропускаетъ ходить на проповѣди евангелическаго пастора Нильсена (въ домѣ Сарептскаго Общества, на углу Почтамтской), и не понимая ни слова по нѣмецки, часто дремлетъ за этими проповѣдями, но все-таки считаетъ долгомъ ходить. Ни театра, никакого свѣтскаго развлеченія не знаетъ, свѣтскихъ книгъ не читаетъ; сказалъ разъ при мнѣ, что не желалъ бы получить «пряжки за безпорочную службу», потому что награда за безпорочность только на небеси. Старые товарищи его безпутства не вѣрятъ искренности его набожности. И го-

ворилъ, что Алексѣй Николаевичъ самъ себя обманываетъ своею набожностью.—«Нѣтъ, сказалъ мнѣ Павелъ Петровичъ Мельниковъ (нынѣ генералъ-маіоръ нашей же службы, одинъ изъ строителей Петербурго-Московской желѣзной дороги); «нѣтъ-съ, онъ притворяется и хочетъ обманывать другихъ!» Это неправда. Я сказалъ уже, что А. Н. З. не живой человѣкъ, это автоматъ; какъ онъ въ молодости былъ автоматомъ распутства, такъ теперь автоматъ набожности и въ тоже время былъ и есть автоматъ математики. Странно, что при всемъ томъ, что автоматъ, онъ ни малѣйше не глупъ, онъ уменъ умомъ разсудка и вмѣстѣ съ тѣмъ умомъ дѣтскимъ, лишеннымъ всякаго опыта; онъ добръ, онъ любитъ вообще людей и въ частности многихъ, но его любовь отзывается одной добротою и холодна, или едва, едва теплѣнька. Самолюбія и честолюбія въ немъ нѣтъ, но есть какое-то мелочное почестелюбіе, болѣе заимствованное, внѣшнее для его мыслей и характера. Такъ, по возвращеніи изъ экспедиціи, дѣлавшей опись между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, экспедиціи, считавшейся военною (въ 1824 году, кажется, или въ 1826), при вопросѣ, какой награды онъ хочетъ, онъ пожелалъ Владимпра съ бантомъ и получилъ его. Такъ и теперь онъ не прочь отъ генеральскаго чина, хотя Клейнмихель его обходитъ.

Разсѣянность его анекдотическая. Онъ много дѣлалъ изысканій, съемокъ и нивелировокъ для составленія проектовъ, каналовъ и шоссе; при этихъ изысканіяхъ по разсѣянности забывалъ въ разныхъ мѣстахъ, даже въ деревняхъ, казенные инструменты, книги, издерживалъ казенныя деньги, не помня на что, и не въ состояніи былъ отдавать отчетовъ, такъ что принужденъ былъ заплатить казнѣ до 40 тысячъ рублей ассигнаціями по милости своей разсѣянности.

Онъ былъ съ Пав. Петр. Мельниковымъ при расчисткѣ Кокенгаузенскихъ пороговъ на Западной Двинѣ, и для разрыва камней у нихъ употреблялся порохъ. Разъ, когда они сидѣли вдвоемъ у стола и разговаривали, Загоскинъ во время разговора въ разсѣянности вертѣлъ зажженную свѣчку и въ разсѣянности же сталъ поджигать конецъ веревочки, которою былъ перевязанъ въ бумагѣ порохъ, лежавшій на столѣ, въ количествѣ фунтовъ двухъ. Мельниковъ едва успѣлъ сильною рукою остановить руку Загоскина.

Смѣшно сказать: «забылъ, что женатъ», а почти похожее на то было съ Загоскинымъ. Онъ женился въ Ригѣ на дочери коменданта или чего-то подобнаго, Эмме (на другой дочери того же Эмме женатъ Гамалея, товарищъ министра государственныхъ имуществъ). Надо сказать, что А. Н. Загоскинъ по всегдашней разсѣянности не

подумалъ о томъ, что надо извѣстить родныхъ, и братья его ничего не знали о его женитьбѣ. (Одинъ братъ служилъ у насъ же полковникомъ, Николай Н., и умеръ въ Москвѣ, на службѣ при Московскомъ каналѣ; этотъ былъ женатъ на Мертваго, Николай Загоскинъ—старшій братъ, кажется. Михаилъ сочинитель—второй, потомъ одинъ или двое служили въ Преображенскомъ полку; Алексѣй, о которомъ идетъ рѣчь, у насъ; у насъ же младшій, Иліодоръ Никол., теперь подполковникъ). Пришлось Алексѣю Николаевичу ѣхать изъ Риги въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ туда одинъ безъ жены. Иные злые языки говорятъ, что онъ изъ Риги выѣхалъ съ женой и забылъ ее на первой же станціи, доѣхалъ до Петербурга, не вспомнивъ о женѣ, и прожилъ въ Петербургѣ у брата нѣсколько мѣсяцевъ, все-таки не вспоминая о ней и не говоря брату о своей женитьбѣ; еще болѣе злые языки прибавляютъ, что такъ какъ онъ женился на Нѣмкѣ, не свѣтской и не извѣстивъ родныхъ, то будто бы ему было совѣстно привезти ее въ Петербургъ къ брату, и онъ нарочно притворился разсѣяннымъ до такой степени, что забылъ жену, а въ самомъ-то дѣлѣ оставилъ на первой станціи отъ Риги съ умысломъ. Это нелѣпость. Такого поступка онъ не въ состояніи сдѣлать. Вѣришь всего, кажется, что жена поѣхала провожать его изъ Риги до первой станціи, и онъ уѣхалъ со станціи, забывъ проститься съ женой. И этого довольно для недавно женатаго или, все равно, и для давно женатаго. Въ Петербургѣ онъ остановился у брата, въ казармахъ Преображенскаго полка, не говорилъ брату, что женился, и прожилъ мѣсяца три, если не болѣе, ни разу не писавши женѣ въ Ригу. Жена потеряла терпѣніе и поѣхала тоже въ Петербургъ. Разъ Алекс. Ник. не было дома, и Преображенскому брату докладываютъ, что его спрашиваетъ дама; онъ удивился, что дама рѣшилась идти въ казармы; одѣлся, вышелъ, и дама ему объявляетъ, что она жена брата его Алексѣя, что послѣдній не писалъ ей вовсе, и она пріѣхала отыскать его. Надо представить себѣ изумленіе брата. Тутъ нельзя сказать: «забылъ, что женился», даже нельзя сказать: «забылъ», а просто не подумалъ о томъ, что надо проститься съ женой, не подумалъ, что надо писать къ ней, не подумалъ, что надо сказать брату о своей женитьбѣ. При неживой автоматической натурѣ все это возможно.

Есть такіе говорящіе во снѣ, которыхъ можно довести до того, что они будутъ отвѣчать все-таки во снѣ на вопросы, стѣдить только попасть въ нить словъ и мыслей, которыя выбадываетъ сонный. Загоскинъ, когда не самъ говоритъ, всегда почти какъ полусонный, по крайней мѣрѣ мозгъ его дремлетъ въ это время, поэтому можно было часто

заставлялъ его говорить нелѣпости и глупости. При мнѣ, въ бывшей комиссіи (а нынѣ департаментѣ) проектов и смѣтъ, гдѣ и я, и Загоскинъ были членами, была подобная шутка. Приѣхалъ Крафть (Николай Осиповичъ, нашъ генер.-маіоръ, нынѣ же и строитель Петерб.-Моск. желѣзн. дороги), послѣ долгаго отсутствія, пришелъ къ намъ въ комиссію и сталъ разговаривать болѣе съ Загоскинымъ, какъ сослуживцемъ въ прежнее время. Они стали припоминать старыхъ товарищей, которые либо умерли, либо оставили службу. Говорилъ больше Крафть: «помнишь того-то?» и проч., а Загоскину приходилось только поддакивать: «да, да!» выговаривая эти «да, да» какъ-то по старушечьи, безъ звука. (Отъ недѣятельности мозгъ его и задремалъ). Крафть это замѣтилъ и говорить: «а помнишь Балка?»—«Да, да».—«Вѣдь онъ на верблюдѣ верхомъ моремъ изъ Японіи въ Америку поѣхалъ».—«Да, да, на верблюдѣ, моремъ, въ Америку; вѣдь онъ такой шалунъ былъ и повѣса!» Загоскинъ даже улыбается и не догадывается, что надъ нимъ смѣются.

Крафть умѣлъ завлечь Загоскина всегда нечувствительно къ воспоминаніямъ о шалостяхъ молодости и притомъ такъ, что Загоскинъ, набожный и помышляющій только о молитвѣ и математикѣ, забывался и на нѣсколько минутъ являлся прежнимъ или полупрежнимъ развратникомъ...

Алексѣй Ник. въ разсѣянности часто уходилъ изъ дому рано утромъ къ заутрени безъ фуражки, съ открытой головой. Разъ онъ зашелъ къ цирюльнику и, велѣвъ себя выбрить, сѣлъ. Алексѣй Ник. носилъ бакенбарды, но какъ собой не занимался, то разумѣется бакенбарды были плохи и рѣдки. Цирюльникъ спросилъ: «прикажете немножко подправить, т. е. подбрить бакенбарды, онѣ вотъ немного неровны».—«Да, да, пожалуйста». Цирюльникъ ровнялъ, ровнялъ ихъ, да ужъ и слишкомъ укоротилъ; чтобы поправить свою ошибку, онъ опять сказалъ: «не прикажете ли лучше совсѣмъ сбрить ихъ? они нехороши».—«Да, да, пожалуйста». И цирюльникъ сбрилъ начисто, а Загоскинъ не зналъ, о чемъ онъ его спрашивалъ, и не понималъ, что тотъ надъ нимъ творилъ. Приходитъ Загоскинъ домой, и жена, только что взглянула на него, и ахнула: «что это, Алексѣй Ник., куда дѣлись твои бакенбарды?» Загоскинъ остолбенѣлъ, схватился за щеки, оцупалъ и говоритъ: «не знаю». Онъ долго не могъ догадаться, куда дѣвались бакенбарды, и наконецъ сказалъ: «должно быть цирюльникъ сбрилъ, но я не знаю».

Я забылъ сказать, что когда Алекс. Ник. былъ на изысканіяхъ, то разъ въ приказахъ былъ ему напечатанъ выговоръ за то, что онъ потерялъ шнуровую книгу. Но на самомъ дѣлѣ онъ книги не терялъ, а

разъ слуга пришелъ просить бумаги, чтобы тетрадь сдѣлать для записки расхода на кушанье. Алекс. Ник. въ разсѣянности подалъ ему шнуровую книгу, въ которую еще ничего не писалъ и которая такъ валялась; а когда пришлось отчетъ представлять, то Алекс. Ник. откровенно показалъ начальникамъ книгу, въ которой слуга записывалъ огурцы, лукъ, капусту, хлѣбъ, говядину, соль и проч.

Разъ изъ комиссіи мы вышли въ три часа вмѣстѣ; ему нужно налѣво, мнѣ направо (комиссія была у Аларчина моста въ Коломнѣ; я жилъ на Васильевскомъ острову и переѣзжалъ каждый разъ на яликъ или эльботъ чрезъ рѣку). Онъ поворачиваетъ со мной направо. «Куда же вы? вѣдь вамъ надо налѣво!»—«Нѣтъ, я съ вами пойду, мнѣ нужно».—«Когда такъ, очень радъ». И я началъ съ нимъ разговаривать. Подходимъ къ Невѣ. Онъ со мной въ яликъ. «Да куда же вы?» И онъ мнѣ съ довѣрчивостью объяснилъ, что онъ немного обжорливъ (натура-то осталась старая), и что это нехорошо и нездорово, и что онъ нарочно оставляетъ себя иногда безъ обѣда, а такъ какъ если придетъ домой, то не удержится, то для избѣжанія этого и ходитъ куда нибудь, чтобы время прошло. «Но теперь куда же вы?»—«А вотъ видите, на Смоленскомъ кладбищѣ у меня похороненъ ребенокъ маленькій, то я и желудокъ поправлю, и могилку схожу посмотреть.»

Въ Ноябрь мѣсяцѣ у насъ въ комиссіи, въ присутствіи, послѣ двухъ часовъ подавали свѣчи зажженные. Мы всѣ сидѣли и занимались за однимъ большимъ столомъ, т. е. генералъ Дѣстремъ, четыре штаб-офицера и два оберъ-офицера. Загоскинъ обыкновенно не садился за столъ, а занимался стоя у окна, у конторки. Передъ тѣмъ однакоже, какъ принесли свѣчи, онъ разъ сидѣлъ за столомъ; но ему мѣшали наши громкіе разговоры, и онъ, взявъ двѣ свѣчи, перешелъ къ конторкѣ и началъ заниматься. У насъ стало замѣтно темнѣе. Генералъ Дѣстремъ поднялъ голову и, видя темноту, сказалъ: «что это, Алекс. Ник., вѣдь намъ темно!»—«А, да, да!» И Алекс. Ник. поспѣшилъ захватить бумаги и перейти опять къ столу и сѣсть въ кресло; только обѣ свѣчи онъ забылъ въ разсѣянности принести назадъ. Генералъ опять сказалъ: «да какъ же вы свѣчи-то отъ насъ взяли!» Загоскинъ смѣшался, даже обернулся, посмотрѣлъ на свѣчи, которыя все еще стояли въ углу на конторкѣ, и отвѣчалъ: «да, да! я виноватъ!»—«Все такъ, но неужели вы думаете, что какъ вы пересѣли назадъ, то и освѣтили столъ? Свѣчей вы все-таки намъ не возвратили.» Тогда только Загоскинъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Еще случай. У насъ въ комиссіи умеръ секретарь Михаилъ Петровичъ Мельниковъ. Жилъ онъ тоже въ Коломнѣ. Гробъ съ покойни-

комъ повезли по направленію къ Сѣнной. Гробъ провожали наши члены комиссіи, въ томъ числѣ и Загоскинъ. Дорѣгой Загоскинъ своротилъ въ улицу, чтобы забѣжать на секунду зачѣмъ-то домой; потомъ, вышедъ опять изъ дому на улицу, по которой повезли покойника, онъ спрашивалъ у извозчиковъ, будочниковъ и проходящихъ, куда повезли покойника. Всѣ показывали по направленію къ Сѣнной площади, и онъ ускорительнымъ шагомъ пустился догонять. На Сѣнной площади кто-то опять показалъ ему по Садовой улицѣ, по направленію къ Невскому проспекту. Онъ пустился еще скорѣе догонять. Будочникъ на углу Садовой и Невскаго, у Императ. Публичной Библіотеки, показалъ ему дорогу по Невскому проспекту къ Невскому монастырю. Загоскинъ сѣлъ на извозничьи дрожки и поѣхалъ далѣе. Наконецъ близъ монастыря онъ догналъ похоронную процессію, сошелъ съ дрожекъ, снялъ шляпу и пошелъ съ другими за гробомъ. Разсказываютъ (но разумѣется, прибавляютъ много, потому что никто конечно кромѣ самого Загоскина не знаетъ подробностей), что Загоскинъ проводилъ гробъ даже въ перковь монастыря, и когда въ церкви открыли гробъ для отпѣванія, то будто бы тутъ только Загоскинъ былъ пораженъ, что покойникъ въ чепчикѣ. Какъ же это Михаилъ Петровичъ въ чепчикѣ? Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ себя окруженнымъ не только ни однимъ офицеромъ, но даже и ни однимъ мужчиной: все были одѣ женщины въ глубокомъ траурѣ. Загоскинъ вышелъ изъ церкви, отыскалъ опять того же извозчика и поѣхалъ отыскивать своего покойника на Волково кладбище. Покойника дѣйствительно, начиная отъ Сѣнной площади, повезли направо на Обуховъ мостъ и т. д. на Волково кладбище.

Нынѣшній вице-директоръ департамента, нашъ полковникъ Полонскій Александръ Викентьевичъ, когда еще былъ адъютантомъ и начальникомъ отдѣленія въ штабѣ нашемъ, потерялъ жену. На похоронахъ ея тоже было много нашихъ офицеровъ, все сослуживцевъ и товарищей Полонскаго, въ томъ числѣ и Загоскинъ. Провожая гробъ по улицѣ, Загоскинъ шелъ рядомъ съ кѣмъ-то изъ нашихъ и тотчасъ за самимъ Полонскимъ. Вдругъ Загоскинъ говоритъ своему сосѣду: «жаль Александра Викентьевича, славный человекъ былъ покойникъ!» — «Какой покойникъ? Кто?» — «Да Александръ Викентьевичъ». — «А это кто же прямо передъ вами идетъ?» Загоскинъ взглянулъ и открылъ ротъ: «А я думалъ, онъ умеръ! Кто же умеръ?» — «Жена его». «А-а!» Надо сказать, что Полонскій очень близокъ по товариществу ко всѣмъ и въ томъ числѣ къ Загоскину, и послѣдній только по разсѣянности могъ не понимать, кто умеръ.

Вскорѣ послѣ того, какъ главное управленіе нашимъ вѣдомствомъ

перешло къ графу Толю, по увольненіи начальника штаба Петра Алексѣевича Варенцова, на это мѣсто поступилъ изъ Конно-Гренадерскаго полка, Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ бывшій дежурнымъ шт.-офицеромъ, кажется, въ штабъ Гвардейскаго Корпуса. Прошло послѣ того съ мѣсяцъ. Мимо оконъ комиссіи шелъ Конно-Гренадерскій полкъ съ музыкой. Мы подошли къ окнамъ и смотрѣли; у одного окна со мной и Загоскинъ. Я сказалъ: «вотъ прежній мундиръ нашего начальника штаба». Загоскинъ спросилъ: «Какъ? Да Варенцовъ развѣ служилъ въ полку?» Загоскинъ очень хорошо зналъ, что Варенцовъ былъ воспитанникъ нашего института и никакого, кромѣ нашего, мундира не носилъ. Я отвѣчаю: «Какъ Варенцовъ? Вы хотите сказать Мясоѣдовъ?»—«Какой Мясоѣдовъ?»—«Нашъ новый начальникъ штаба»—«А Варенцовъ?»—«Ужъ съ мѣсяцъ какъ въ отставкѣ».—«А я не зналъ». Но надо прибавить, что при герцогѣ Виртембергскомъ Варенцовъ и Борейша (Петръ Вонифатьевичъ, директоръ департамента) были всемогущи и дѣлали все, всемъ управляли, и отставка ихъ обоихъ относилась къ дѣйствіямъ новаго главноуправляющаго, пзмѣнившаго нѣсколько характеръ управленія, надѣлала шума и не могла быть неизвѣстна. Загоскинъ, живя особой жизнью, не зналъ этого.

У насъ столовые деньги давали прежде по третямъ съ жалованьемъ вмѣстѣ, потомъ перемѣнили и начали давать помѣсячно впередъ. Такимъ образомъ мы уже нѣсколько мѣсяцевъ получали. Разъ я, получивъ эти деньги отъ казначея департамента (департаментъ былъ въ томъ же домѣ, только не въ среднемъ, а въ верхнемъ этажѣ), принесъ ихъ въ рукъ въ присутствіе комиссіи и, сѣвъ, сталъ вновь пересчитывать. Загоскинъ спросилъ: «какія это деньги вы получили?»—«Столовые».—«Какъ? Столовые вѣдь даютъ съ жалованьемъ».—«Нѣтъ, уже полгода какъ даютъ за каждый мѣсяцъ впередъ».—«А! то-то казначей каждый мѣсяцъ меня призываетъ и даетъ какія-то деньги. Я и не зналъ, какія».

Болѣе теперь не помню ничего объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Развѣ то, что я разъ просилъ его попросить Гамалею (товарища мин. госуд. имущ.) объ одномъ чиновникѣ того же министерства Салтыковѣ. Загоскинъ сказалъ, что онъ попроситъ, но за успѣхъ не ручается, потому что и Гамалея или Гамалей знаетъ, что на его рекомендацію нельзя положиться, что онъ радъ просить за всѣхъ, и что разъ одинъ изъ принятыхъ по его просьбѣ уже оказался ужаснымъ подлецомъ, и что поэтому Гамалей его просьбы не оставитъ только безъ вниманія, а другими путями узнаетъ о томъ человѣкѣ, о которомъ просятъ. Такъ и родственники Загоскина не могли ни въ чемъ полагаться на него.

Наружность Загоскина: хорошій ростъ вершковъ 8 или 7, очень сутуловатъ, голова длинная и какъ будто къ верху ўже, лицо блѣлое съ румянцемъ, здоровое, но вялое, глаза голубые, блѣлокурые волосы, вьющіеся въ безпорядкѣ, спереди вихоръ вверхъ, баенбарды рыжеватые; онъ очень часто ходитъ въ старомъ мундирѣ, который шить на него, не принимая въ расчетъ сутуловатости, и потому мундиръ поднимается на горбъ и виситъ отдѣляясь отъ туловища (незастегнутый).

Меньшой братъ его Іліодоръ Николаевичъ тоже нашъ и тоже разсѣянъ. Этотъ цѣлые года забываетъ писать къ роднымъ; потомъ вспомнить, засядетъ и пишетъ до того, что разъ или два забылъ, что обѣдать нужно, и пробылъ безъ обѣда. Этотъ Загоскинъ былъ при постройкѣ бывшаго Виндавскаго канала. Придетъ къ нему товарищъ: «а, здравствуй!» и станетъ задумавшись ходить взадъ и впередъ по комнатѣ молча; подадутъ самоваръ, онъ сдѣлаетъ чай, нальетъ себѣ одинъ стаканъ и кричитъ, чтобы слуга убиралъ; гость, видя это, говоритъ: «послушай, Загоскинъ, да что же ты не хочешь мнѣ дать чаю!» — «Ахъ, виновать! Я забылъ, что ты здѣсь». Іліодоръ былъ въ отпуску для принятія своей части наслѣдства. Не имѣя ни о чемъ понятія, онъ вздумалъ всѣхъ стариковъ крестьянъ на волю отпустить. Тѣ пришли, въ ноги кланяются и говорятъ, за что немилость, что они уже не знаютъ, куда идти и дѣться, да и отъ дѣтей не хотѣли бы отлучиться, а Загоскинъ, думая, что они благодарятъ, говоритъ, что не нужно благодарности, что это за ихъ службу, и проч.

Этотъ Загоскинъ больше разсѣянъ былъ отъ задумчивости, съ расхаживаньемъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и онъ говорилъ, что онъ точно забываетъ окружающее, но что впрочемъ часто онъ очнется прежде, нежели другіе это замѣтятъ, и продолжаетъ сохранять прежній видъ, слушаетъ что говорятъ и про него особенно. Онъ теперь помощникомъ Крафта, строителя южной половины или дирекціи Петербурго-Московской желѣзной дороги.

Загоскины Рязанскіе или Пензенскіе помѣщики, и вообще надо сказать, что это люди образованные, благородные, прекрасные, умные, и всѣ хорошо учились, со способностями. Когда мы жили, т. е. батюшка мой жилъ, въ 1826 году, въ Измайловскомъ полку, въ 4 ротѣ, въ домѣ Христовской, то хозяйка эта (вдова бывшаго учителя Греческаго языка Великаго Князя Константина Павловича), рассказывала, что старшихъ, кажется, четырехъ, Загоскиныхъ привезли изъ деревни по рекомендаціи къ ея мужу, и что мужъ ея заботился объ опредѣленіи ихъ въ училища;

что всѣ они были уже порядочные недоросли, грязные, немые, нечесанные, деревенщина, ничего не обѣщали, а вышло наоборотъ.

*

Оедоровъ, нынѣшній, кажется, Бессарабскій военный губернаторъ и управляющій за князя Воронцова всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, человѣкъ вовсе неизвѣстный, служилъ когда-то въ арміи оберъ-офицеромъ, потомъ былъ кварталнымъ, частнымъ приставомъ, полиціймейстеромъ, комендантомъ, губернаторомъ и т. далѣе. Воронцовъ его вытасилъ. Можетъ быть, нѣкоторыхъ этихъ званій онъ и не проходилъ, но происхожденіе его вообще такое. Онъ женатъ на Катеринѣ Ѳотіевнѣ Митьковой, дочери флотскаго адмирала Ѳотія Константиновича Митькова; а другая ея сестра, Любовь Ѳотіевна, за вице-адмираломъ Станюковичемъ; братъ—флотскій, Константинъ Митьковъ, умеръ, а Александръ въ штатской службѣ.

Когда пріѣзжалъ Гумбольдтъ (Александръ), графъ Канкринъ сказалъ ему, что намѣренъ выписать къ намъ въ Русскую службу какого нибудь хорошаго горнаго инженера изъ Германіи для главныхъ занятій по Монетному двору въ Петербургъ, человѣка, знающаго хорошо и практически химическія производства. «Помилуйте, графъ, отвѣчалъ Гумбольдтъ, что вы хотите дѣлать! Да гдѣ же искать хорошихъ горныхъ инженеровъ какъ не въ Россіи, гдѣ имъ практика такая огромная? Притомъ у васъ есть инженеръ, который теперь, можетъ быть, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ»—«Кто же это?»—«Полковникъ Соболевскій». И Канкринъ по этой рекомендаціи обратилъ вниманіе на Соболевскаго. Соболевскій тотъ дѣйствительно ученый и практическій человѣкъ. Онъ имѣлъ состояніе, потерялъ его на проектахъ и между прочимъ на проектѣ освѣщенія Петербурга газомъ или, кажется, какимъ-то искусственнымъ солнцемъ. Это было въ 1811 году; правительство согласилось, но съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ на свой счетъ, и обѣщало послѣ ему возвратить; но политическія и военныя дѣла 1812, 13, 14, 15 годовъ сдѣлали то, что Соболевскій свое состояніе потерялъ на опытахъ, а правительство послѣ, не видя счастливаго результата, бросило Соболевскаго. Онъ жилъ въ бѣдности однимъ жалованьемъ, съ большимъ семействомъ. Отзывъ Гумбольдта Канкрину поднялъ его на ноги. Онъ открылъ какое-то производство платины, или что-то подобное, способъ, до него неизвѣстный, и способъ этотъ принять былъ на Монетномъ дворѣ съ тѣмъ, что сколько-то процентовъ отъ выгоды отдавалось Соболевскому; кромѣ того, жалованье онъ получалъ уже значительно больше, и Канкринъ никогда ему не отказывалъ въ порядочныхъ сум-

махъ, то на свадьбу дочери, то въ другихъ случаяхъ. Соболевскій зажилъ богато. Дача на Петровскомъ острову (онъ взялъ, кажется, на 50 лѣтъ мѣсто на аренду у Вольнаго Экономическаго Общества, возвысилъ мѣсто насыпью, развелъ садъ, построилъ домъ, оранжереи и пр.; все это стоило нѣсколько десятковъ тысячъ ассигнаціями). Но вдругъ среди богатства Соболевскій скоропостижно умеръ. Не задолго до смерти онъ застраховалъ себя. Говорятъ, что Соболевскій отравился, потому что по Монетному двору оказались какіе-то недостатки суммъ и проч. Все это похоже на правду, но, кажется, толки о недостаткахъ по Монетному двору преувеличены. Соболевскій не былъ шарлатанъ, онъ дѣйствительно ученый, но вмѣстѣ съ тѣмъ прожектеръ; украсть—онъ, кажется, этого не сдѣлалъ бы, но замотался въ счетахъ и своихъ расходахъ; особливо, какъ имѣлъ прежде состояніе, потерялъ его, терпѣлъ нужду, то, получивъ возможность жить богато, пустился безсознательно въ роскошь и прихоти умнаго и ученаго человѣка. Но прихоти и роскошь, ученныя и умныя, одинаково съ глупыми, видно разоряютъ человѣка. Жаль этого человѣка. Одинъ сынъ его флотскій офицеръ, утонулъ, катаясь въ яликѣ по рукавамъ Невы. Другой сынъ теперь нашъ полковникъ, инспекторъ классовъ въ нашемъ институтѣ, прекрасный человѣкъ, занимался всегда геологіей и геогнозіей. Третій сынъ оберъ-офицеръ, артиллеристъ гвардейскій, женатъ на Елисаветѣ Ивановнѣ Берниковой (дочери бывшаго, кажется, вице-губернатора Тифлисскаго и Авдотьи Захаровны, урожденной Балкъ, родной братъ которой, нынѣ вице-адмиралъ, Захаръ Захаровичъ Балкъ, женатъ на двоюродной сестрѣ моей и родной сестрѣ жены моей, Надеждѣ Васильевнѣ, урожденной Нордштейнъ). Участи дочерей Соболевскаго не знаю.

*

1827. С.-Пб.

Есть ли совѣсть нечиста,
Не любопытствуй, не читай.

Александръ Павловичъ, живши въ Таганрогѣ, имѣлъ какое-то тайное для всѣхъ желаніе непремѣнно въ такое-то время быть въ Тавридѣ у генералъ-губернатора, графа Воронцова. Онъ былъ у него, вопреки всѣмъ просьбамъ императрицы Елисаветы и, говорятъ, спросилъ у Воронцова конституцію, которая у него приготовлена была для Россійскаго правленія. Воронцовъ послѣ долгаго сопротивленія повиновался. Государь, прочитавъ ее, сказалъ: «Нѣтъ! Это еще слишкомъ рано для моего народа.»

*

Послѣ сраженія при Люценѣ, которое было потеряно Русскими по той причинѣ, что артиллерія худо дѣйствовала подъ начальствомъ Ер-

молова, Государь императоръ Александръ Павловичъ призываетъ сего послѣдняго и спрашиваетъ причину его недѣтельности. Ермоловъ отозвался недостаткомъ лошадей. «Орудія, говоритъ онъ, ваше величество, были безъ дѣйствія».—«Вы бы требовали отъ начальствующаго кавалеріею, графа Аракчеева».—«Я, ваше величество, нѣсколько разъ относился къ нему, но отвѣта никогда не было». Государь призываетъ Аракчеева, который и наговорилъ ему о Ермоловѣ, спрашиваетъ, зачѣмъ онъ не доставлялъ для артиллеріи лошадей; Аракчеевъ извиняется также недостаткомъ въ нихъ. Тогда Ермоловъ обращается къ Государю и говоритъ: «Вотъ видите ли, ваше величество, что репутація честнаго человѣка зависитъ иногда отъ скотины».

*

Одинъ чиновникъ посредственнаго состоянія далъ взаймы какому-то дѣйствительному статскому совѣтнику восемь тысячъ рублей. Срокъ приходитъ, а онъ не получаетъ ни капитала, ни процентовъ, почему и подаетъ, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ срока, прошеніе въ судъ, но отвѣта не получаетъ, подаетъ во второй и третій разъ, все никакого отзыва нѣтъ. Такимъ образомъ прошло восемь или болѣе лѣтъ. Чиновникъ пришелъ въ такое крайнее состояніе, что ужъ чуть не по міру ходить ему оставалось. Безъ малаго черезъ годъ по восшествіи императора Николая на престолъ, онъ рѣшается упасть къ стопамъ сего монарха и просить заступленія. Въ Царскомъ Селѣ во время развода, гдѣ присутствовалъ и самъ Государь, онъ очень часто высывался изъ толпы, но всегда вмѣстѣ съ народомъ былъ осаждаемъ полицейскими. Государь примѣтилъ это и по окончаніи развода призываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какой нужды. «Такъ, Государь, отвѣчаетъ чиновникъ, я молю тебя, прикажи возвратить мнѣ мою собственность», и рассказываетъ весь ходъ дѣла. Императоръ его спрашиваетъ, точно ли это правда. «Могу ли я, Государь, тебя обманывать, я въ твоей власти». Монархъ, подумавъ немного, велитъ ему написать довѣренность на имя Николая Павловича Романова и обѣщается ему выдать деньги, когда онъ принесетъ сію довѣренность и счетъ долга, т. е. капитала, процентовъ на капиталъ, процентовъ на проценты, взыска, камбій, рекамбій и т. п. Бѣдный человѣкъ сперва въ нерѣшимости, но опомнившись идетъ домой; дома написалъ довѣренность и счетъ по то число, на которое написана довѣренность, носилъ ко всѣмъ маклерамъ, но никто не хочетъ вписать въ книгу; является опять къ Государю и докладываетъ {ему, что не прописываютъ довѣренность. Государь усмѣхнувшись говоритъ: «Я думаю!» Потомъ отдаетъ ее дежурному флигель-адъютанту и приказываетъ ему прописать

ее у какого нибудь маклера, а между прочимъ, по принесенному чиновникомъ счету, велѣлъ выдать изъ собственныхъ денегъ сему послѣднему, что сей и получилъ. На другой или на третій день Государь подаетъ прошеніе въ судъ, такъ: «по данной мнѣ довѣренности отъ такого-то я нижеподписавшій, Николай Павловъ сынъ Романовъ, прошу взыскать съ такого-то такую-то сумму, должную имъ такому-то», и т. д. Въ судѣ всѣ перепугались и на другой же день взыскали и представили Государю. «Какъ, говоритъ Государь, я получилъ на другой же день, а бѣдный чиновникъ не могъ получить въ цѣлыя посемь лѣтъ!» И всѣ чиновники того суда были сами отданы подъ судъ (въ 1826 г.).

Однажды въ два часа ночи сей Государь пріѣзжаетъ на одну гауптвахту, не велитъ часовому давать знать о себѣ и не дѣлать никакого шума, входитъ въ караулную и находитъ все въ наилучшемъ порядкѣ, и здѣсь солдатамъ также не велѣлъ шевелиться; потомъ вошелъ въ офицерскую комнату и нашелъ, что офицеръ въ полной формѣ сидя вздремалъ; подходитъ къ столу и видитъ бумажку, на которой счетъ долга офицера портному, сапожнику, кондитеру, дѣвицамъ и тому подобное, и наконецъ въ заключеніе написано: «чортъ возьми,—2400 рубл. долгу!» Государь вымаралъ первыя два слова «чортъ возьми», а къ послѣднимъ прибавилъ: «заплачены», тутъ же написалъ выдать столько-то рублей изъ Кабинета и подписалъ. Когда онъ уже уѣхалъ, офицера разбудили; сей ужасно какъ перепугался, но безпокойство его прошло, когда онъ прочелъ записку. (Сей офицеръ, говорятъ, былъ Семеновскаго полка. Случилось въ 1826 году).

*

Александръ Васильевичъ Лутохинъ сосланъ въ городъ Лодейное Поле, въ 12-ти верстахъ отъ его деревни лежащій, около 1814-го года, за то что, выпивши лишнее, онъ вздумалъ выпить еще за здоровье Наполеона, и гдѣ же! Въ домикѣ бывшемъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ; по выходѣ откуда, онъ сей же часъ и былъ взятъ.

Этотъ чудакъ поссорился съ своею матерью, которая жила близъ города въ деревнѣ, но имѣла свой домъ въ семь городѣ, куда и приставала по случаю пріѣзда. Акулина Аванасьевна, такъ ее звали, всегда ѣдила съ большими собаками. Сынокъ ея имѣлъ обыкновеніе всякій день ходить по городу, большею частію безъ подтяжекъ, чтобъ было полегче, въ какую бы то ни было погоду, и обыкновенно останавливался у нашего огорода, чтобы посмотрѣть на гряды съ лукомъ. Ежели мой папенька или маменька случались въ огородѣ, то онъ снимаетъ

объими руками свою шляпу и привѣтствуетъ плавно: «Петру Николаевичу, или Александрѣ Егоровнѣ, мое всенижайшее почтеніе». И засимъ всегда почти слѣдовало приглашеніе въ огородъ, покушать лучку, горошку, бобовъ и т. п. Тутъ же кстати иногда спросить у него: «что, Александръ Васильевичъ, матушка ваша здѣсь?»—«Право не знаю, отвѣчалъ онъ всегда или почти всегда: собаки ея здѣсь, такъ видно и она здѣсь».

Изъ молодыхъ офицеровъ морскихъ, бывшихъ тамъ подъ вѣдомствомъ папеньки, часто кто нибудь скажетъ: «Что это, Александръ Васильевичъ, васъ ни у кого не видно? Даже и Петръ Николаевичъ говорить, что давно васъ не видѣлъ». А чудакъ нашъ отвѣчаетъ: «вѣдь у нихъ надобно все церемоніи, и одѣться, и то, и другое, да и подтяжки надобно надѣвать,—все тяжело!»

Какъ-то о праздникахъ Рождества Христова его встрѣтили кавалеры вечеромъ навеселѣ, и ну его упрашивать, чтобы онъ сдѣлалъ вечеринку, и хотя съ трудомъ, однако уговорили. И на этой вечеринкѣ было нѣсколько дамъ. Хозяинъ не успѣлъ—и позабылъ или оставилъ за печкой развѣшанное бѣлье, какъ-то: чулки, подштанники...

*

Павелъ I былъ установителемъ того, чтобы на гауптвахтахъ кричали: «вонъ» для проѣзжающихъ генераловъ. На другой день послѣ сего приказа онъ приказываетъ Суворову явиться во дворецъ. Суворовъ только что входитъ во дворецъ, на гауптвахтѣ кричатъ «вонъ!» Суворовъ благимъ матомъ изъ дворца вонъ бѣжитъ. Черезъ четверть часа возвращается назадъ и опять ворочается по крику вонъ! Тоже и въ третій разъ. Наконецъ ужъ разсердился и уѣхалъ совсѣмъ домой, не явившись къ Государю, за что и получилъ выговоръ, хотя и извинялся тѣмъ, что солдаты гнали его вонъ, и что онъ думалъ, что это по повелѣнію Государя.

*

Подлинно надобно удивляться рѣшеніямъ разныхъ дѣлъ, которыя дѣлалъ Государь нашъ, Николай Павловичъ. Вотъ одно изъ сихъ рѣшеній. Не помню, чрезъ Ригу или Ревель, или кажется на станціи между сими городами, одинъ генералъ, ѣхавшій по собственной надобности, съѣхался съ однимъ мичманомъ, посланнымъ правительствомъ. Сей послѣдній, пріѣхавъ прежде, взялъ послѣднихъ лошадей, и потому генералъ долженъ былъ дожидаться. Онъ проситъ мичмана уступить ему лошадей, но тотъ объявляетъ, что ѣдетъ по казенной надоб-

ности и потому не можетъ этого сдѣлать. Генераль опять ему началъ говорить объ этомъ, но видя упорство мичмана, онъ даже началъ изъяснять свое негодованіе и презрѣніе. Тогда мичманъ разгорячился, генераль еще болѣе; ибо мичманъ позволилъ себѣ сказать нѣсколько обидныхъ словъ. Генераль велѣлъ лошадей перепрячь къ себѣ въ экипажъ и далъ мичману пощечину со словами: «что смотришь на этого молокососа мичмана!» Мичманъ вздохнулъ, вынулъ пистолетъ и, выстрѣливъ по генералу, сказавъ: «вотъ тебѣ мичманъ, если не зналъ ихъ!» Генераль падаетъ на полъ безъ чувствъ, и возвратить его къ жизни было невозможно.

Государь, когда представили ему дѣло, только велѣлъ узнать, имѣлъ ли мичманъ пистолетъ при себѣ или нѣтъ. Ему доложили, что пистолетъ былъ при немъ, и Государь велѣлъ его посадить на два года въ монастырь на покаяніе въ виду того, что пистолетъ попался ему въ руки въ самую минуту его запальчивости, и что тогда человѣкъ не можетъ за себя отвѣчать.

*

Надпись на статуѣ Суворова передъ Троицкимъ мостомъ: Ко всѣмъ Александровскимъ парадамъ Суворовъ стоитъ задомъ *).

(Извлечено изъ Сборника П. И. Щукина).

Нордштейнъ въ разное время заносилъ въ тетради свои и личныя воспоминанія, и городскіе слухи, которые могли оказываться потомъ невярными, по пословицѣ: мірская молва—морская волна. П. Б.

*) Надпись эта была ночью прилепена къ статуѣ, когда сія послѣдняя была перенесена съ Царицына луга на Суворовскую площадь. Мостъ былъ прежде противъ Лѣтняго Сада, а противъ монумента Суворова перенесенъ уже гораздо послѣ.